

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

Том 3. Превратности судьбы

Лемони Сникет

**Тридцать три несчастья.
Том 3. Превратности судьбы**

«Азбука-Аттикус»

2002-2003

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

Сникет Л.

Тридцать три несчастья. Том 3. Превратности судьбы /
Л. Сникет — «Азбука-Аттикус», 2002-2003

ISBN 978-5-389-16929-6

Вот мы и встретились вновь, дорогой читатель! И если ты надеешься, что на этот раз у Вайолет, Клауса и Солнышка Бодлер все наладится, то ошибаешься. В жизни несчастных детей по-прежнему нет ни одного проблеска. Сейчас сироты Бодлер вынуждены скрываться от всех, кто читает газеты, в которых их провозгласили самыми настоящими убийцами. Впереди детей ждет пребывание в Кошмарной клинике, путешествие по опасной горной цепи и очередные нападки Графа Олафа и его свиты. Однако Бодлеры не сдаются: они во что бы то ни стало хотят выяснить правду о своих родителях, и никакие трудности их не остановят. Мрачные юмористические истории о приключениях детей Бодлер стали настолько популярны во всем мире, что легли в основу фильма «Лемони Сникет. 33 несчастья», в котором сыграли Джим Керри, Джуд Лоу и Мэрил Стрип. Совсем недавно компанией «Netflix» был снят и одноименный сериал. Главные роли в нем исполнили Нил Патрик Харрис, Малина Вайсман и Луи Хайнс. Третий сезон мрачной истории вышел в январе 2019 года. Во второй том «Превратности судьбы» вошли три повести цикла: «Кошмарная клиника», «Кровожадный карнавал» и «Скользкий склон».

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16929-6

© Сникет Л., 2002-2003

© Азбука-Аттикус, 2002-2003

Содержание

Кошмарная клиника	11
Глава первая	13
Глава вторая	18
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Глава пятая	34
Глава шестая	40
Глава седьмая	46
Глава восьмая	53
Глава девятая	60
Глава десятая	65
Глава одиннадцатая	70
Глава двенадцатая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Лемони Сникет

Тридцать три несчастья. Том 3. Превратности судьбы. повести

Lemony Snicket

A Series of Unfortunate Events:

THE HOSTILE HOSPITAL

Text copyright © 2001 by Lemony Snicket

Illustrations copyright © 2001 by Brett Helquist

THE CARNIVOROUS CARNIVAL

Text copyright © 2002 by Lemony Snicket

Illustrations copyright © 2002 by Brett Helquist

THE SLIPPERY SLOPE

Text copyright © 2003 by Lemony Snicket

Illustrations copyright © 2003 by Brett Helquist

All rights reserved

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers.

© 2001 by Lemony Snicket

© 2001 by Brett Helquist

© 2002 by Lemony Snicket

© 2002 by Brett Helquist

© 2003 by Lemony Snicket

© 2003 by Brett Helquist

© Н. Л. Рахманова, перевод, 2005

© А. А. Ставиская (наследник), перевод, 2005

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2005

© А. А. Кузнецова, стихотворный перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа ООО „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

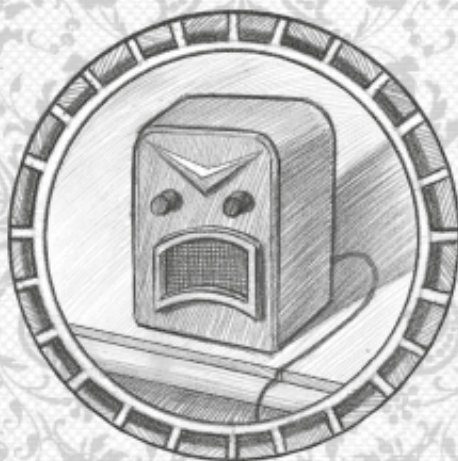

Том 3
Превратности судьбы

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Кошмарная клиника

Кошмарная клиника

Посвящается Беатрис Без тебя летом холодно, как зимой. А зимой – еще холоднее.

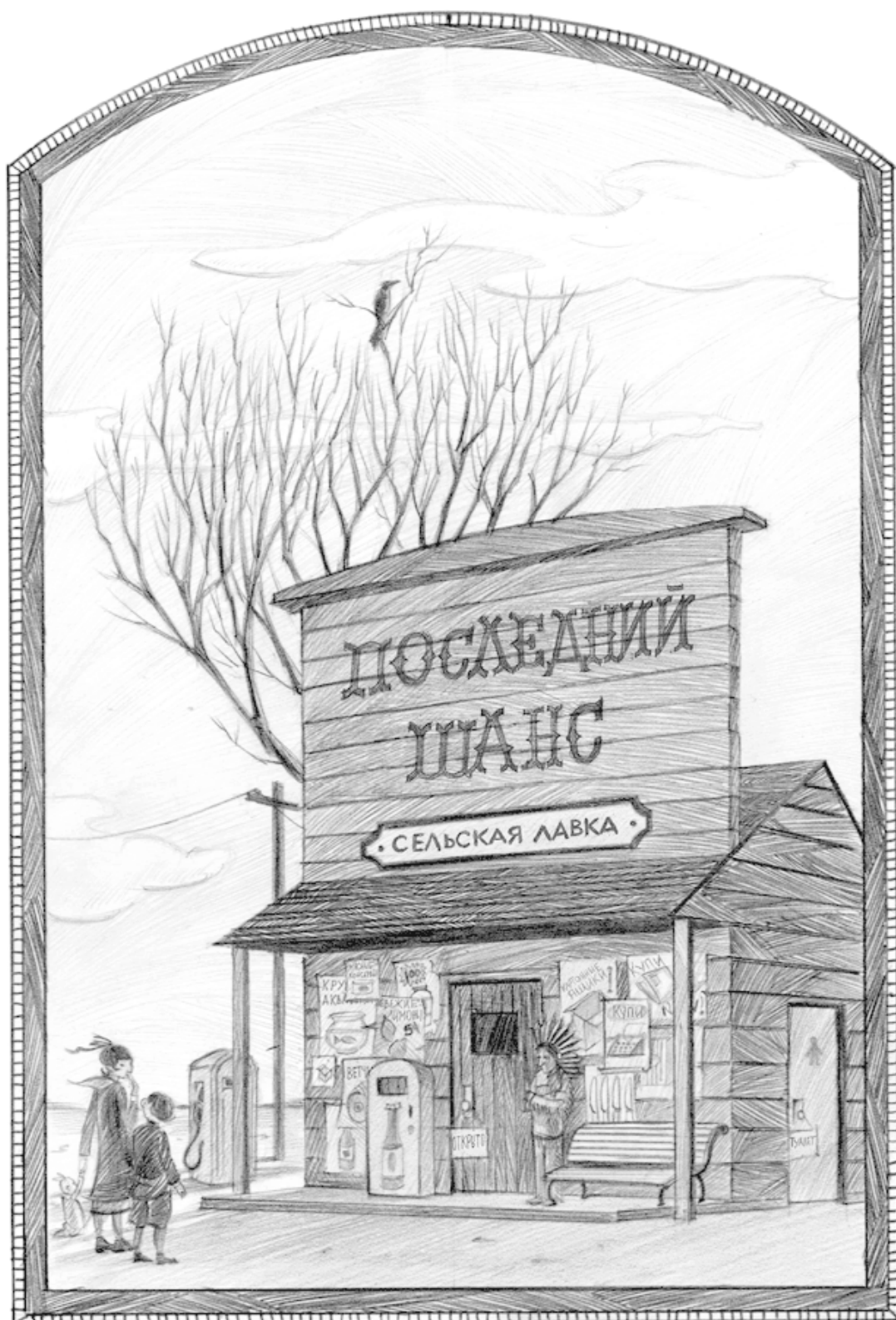
Дорогой читатель!

Прежде чем вы швырнете эту ужасную книжку на землю и убежите прочь как можно дальше, вам, вероятно, не мешало бы узнать, почему вы так поступите. Эта книга является единственной, в которой до малейших деталей описывается злополучное пребывание бодлеровских детей в Кошмарной клинике, и это делает ее одной из самых устрашающих книг на свете.

Много чего есть на свете приятного, о чем можно прочесть, но в этой книге нет ничего приятного. На ее страницах читатель найдет лишь тягостные подробности о недоверчивом хозяине лавки, ненужной операции, системе внутренней связи, наркозе, воздушных шариках в форме сердца и убийственном известии о пожаре. Ясно, что читать про такое ни к чему.

Я поклялся расследовать всю эту историю и в меру своих способностей записать ее, поэтому кому, как не мне, знать, что книгу лучше оставить там, где она, скорее всего, и валялась.

*Со всем подобающим почтением,
Лемони Сникет*

Глава первая

СУЩЕСТВУЕТ две причины, почему писателю может захотеться закончить фразу словом «точка», написанным целиком заглавными буквами (ТОЧКА). Первая – когда автор пишет телеграмму, то есть закодированное сообщение, передаваемое по электрическим проводам. В телеграмме слово «точка», изображенное заглавными буквами (ТОЧКА), обозначает конец фразы. Но есть и другая причина, почему автору может захотеться окончить фразу словом «ТОЧКА», состоящим из заглавных букв, а именно в том случае, когда он хочет предупредить читателя, что книга, которую он читает, невыносимо мучительна и, едва взяв ее в руки, самое лучшее – тут же бросить читать, остановиться, поставить на этом ТОЧКУ. В данной книге описывается особенно тяжкий период в злополучной жизни Вайолет, Клауса и Солнышка Бодлер. И если у вас есть хоть капля здравого смысла, вы немедленно захлопнете книгу, подниметесь с ней на высокую гору и бросите ее вниз с самой вершины. И ТОЧКА. Причин прочесть хотя бы еще одно слово про несчастья, коварство и горести, предстоящие троим Бодлерам, у вас не больше, чем выбежать на улицу и броситься под колеса автобуса, поставив на вашей жизни ТОЧКУ. Фраза со словом «ТОЧКА» на конце – ваш последний шанс сделать вид, что ТОЧКА есть знак предупреждения, заменяющий СТОП, то есть знак остановиться и остановить поток несчастий, ожидающий вас в этой книге, уберечь себя от душераздирающих ужасов, которые начинаются на следующей же странице, то есть повиноваться знаку ТОЧКА, сказать себе «СТОП» и на этом остановиться.

И бодлеровские сироты остановились. Дети шли вот уже несколько часов по плоской незнакомой равнине. Они испытывали жажду и чувство потерянности, они выбились из сил, а этих трех причин вполне достаточно, чтобы не продолжать утомительного путешествия. Но при этом они испытывали страх и отчаяние оттого, что где-то поблизости есть люди, которые хотят расправиться с ними, а это вполне достаточная причина, чтобы продолжать путь. Брат и сестры уже давно прекратили все разговоры, чтобы сохранить остатки энергии, позволяющей им переставлять ноги. Но тут они поняли, что надо остановиться хотя бы на минуту и обсудить, как быть дальше.

Дети оказались перед сельской лавкой, которая называлась «Последний шанс» – единственное строение, какое попало им за весь долгий и тяжелый ночной переход. Снаружи вся лавка была обклеена выцветшими объявлениями, и в нереальном зловещем свете полумесяца Бодлеры увидели, что в ней продаются свежие лимоны, пластиковые ножи, мясные консервы, белые конверты, леденцы со вкусом манго, красное вино, кожаные бумажники, журналы мод, круглые аквариумы для золотых рыбок, спальные мешки, вяленый инжир, картонные ящики, сомнительные витамины и многое другое. Однако здесь не было ни одного объявления, предлагавшего помощь, а именно в помощи нуждались Бодлеры.

– Я думаю, надо зайти внутрь, – заметила Вайолет и достала из кармана ленту, чтобы подвязать волосы. Вайолет, старшая из Бодлеров, была, вероятно, лучшим четырнадцатилетним изобретателем в мире. Она всегда стягивала волосы лентой, когда хотела решить какую-то проблему. А сейчас она как раз пыталась разрешить труднейшую проблему из всех, с какими до сих пор сталкивались она и ее младшие брат и сестра. – Вдруг там найдется кто-нибудь, кто нам поможет.

– А если там найдется кто-то, кто видел наши фотографии в газете, – возразил Клаус, средний Бодлер, который недавно провел свой тринадцатый день рождения в гадкой тюремной камере. Клаус обладал редкой способностью помнить почти каждое слово практически из тысяч прочитанных им книг. Сейчас он нахмурился, припоминая кое-какие лживые слова, недавно увиденные в газете. – Если они читали «Дейли пунктилю», – продолжал он, – они, возможно, поверили всем ужасам, написанным про нас. И тогда они не станут нам помогать.

– Эйджери! – вмешалась в разговор Солнышко.

Она была совсем крошкой, и, как у большинства детишек, разные части ее тела росли с разной скоростью. У нее, например, было только четыре зуба, но все острые, как у взрослого льва. И хотя младшая из Бодлеров недавно уже научилась ходить, она еще только овладевала способностью говорить так, чтобы взрослые могли ее понимать. Однако Клаус и Вайолет сразу сообразили, что она хочет сказать «Не можем ведь мы идти так вечно», и кивнули в знак согласия.

– Солнышко права, – сказала Вайолет. – Лавка называется «Последний шанс», и, судя по названию, на мили и мили вокруг больше нет ни одного строения. Возможно, это наш единственный шанс получить помощь.

– Да, и поглядите, – Клаус указал на объявление, приклеенное в верхнем углу стены, – мы можем послать из лавки телеграмму и таким образом получить помощь.

– Кому же мы пошлем телеграмму? – спросила Вайолет, и снова Бодлеры остановились и задумались.

Если вы человек, как все другие, у вас имеется уйма друзей и родных, к кому вы можете обратиться в беде. Если вы, например, проснулись среди ночи и увидели женщину в маске, пытающуюся влезть к вам в окно спальни, вы можете позвать на помощь маму или папу, чтобы они выпихнули ее наружу. Или же, если вы безнадежно заблудились в незнакомом городе, вы можете попросить полицейского подвезти вас куда надо. А если вы писатель, и вас заперли в итальянском ресторане, и он медленно заполняется водой, вы могли бы призвать на помощь знакомого слесаря, пекаря или специалиста по производству губок. Но несчастья бодлеровских детей начались с известия, что их родители погибли в ужасном пожаре, так что Вайолет, Клаус и Солнышко не могли призвать их на помощь. Не могли дети и обратиться за помощью в полицию, поскольку полицейские относились к числу тех, кто гнался за ними весь вечер. Не обратиться им было и к знакомым, так как по большей части те не в состоянии были им помочь. После смерти родителей сироты часто оказывались на попечении многочисленных опекунов. Одни были жестокие. Некоторых убили. А один, некий Граф Олаф, жадный и коварный негодяй, как раз и являлся главной причиной того, что дети глубокой ночью стояли сейчас перед лавкой «Последний шанс» и мучились вопросом, к кому же обратиться за помощью.

– По, – выпалила Солнышко. Она имела в виду мистера По, банковского чиновника, который постоянно кашлял и на котором после гибели родителей Бодлеров лежала обязанность заботиться о детях. Помощь от него была ничтожная, но все-таки он не был жестоким, не был убит и не был Графом Олафом. Так что уже эти три причины давали основание обратиться к нему.

– Да, пожалуй, можно попробовать, – согласился Клаус. – В худшем случае он скажет «нет».

– Или закашляется, – добавила Вайолет с полуулыбкой.

Ее младшие брат и сестра тоже улыбнулись, и все трое, толкнув скрипучую дверь, вошли внутрь.

– Лу, это ты? – послышался голос, но, кому он принадлежал, детям не было видно.

Внутри лавки «Последний шанс», так же как и на наружных стенах, места живого не осталось. Каждый дюйм пространства был заставлен вещами, предназначенными для продажи. На полках громоздились банки консервированной спаржи, на стеллажах – подставки с авто-ручками вперемешку с бочонками лука и корзинами с павлиньими перьями. На стенах висела кухонная утварь, с потолка свисали люстры, пол был выложен тысячами самых разных плиток, и на каждой имелся ценник.

– Ты принес утреннюю газету? – спросил голос.

– Нет, – ответила Вайолет.

Троица попыталась пробраться туда, откуда доносился голос. С трудом перешагнув через картонку с кошачьим кормом, они завернули за ближайший угол, но там бесконечные ряды рыбацких сетей перегородили им дорогу.

– Меня это не удивляет, Лу, – продолжал голос, между тем как дети повернули в обратную сторону и направились мимо батареи зеркал и груды носков в проход, заставленный по бокам горшками с плющом и заваленный коробками спичек. – Я никогда не жду «Дейли пунктилио» раньше прибытия Группы Поющих Волонтеров.

Бодлеры на миг прекратили поиски обладателя голоса и переглянулись – все одновременно подумали о своих друзьях, Дункане и Айседоре Квегмайр. Дункан и Айседора были тройняшки и, подобно Бодлерам, потеряли своих родителей, а также брата Куигли во время ужасного пожара. Квегмайры уже не раз попадались в лапы Олафа, и только недавно им удалось спастись. Однако Бодлеры не знали, увидят ли они когда-нибудь своих друзей и узнают ли тайну, которую раскрыли тройняшки и внесли в свои записные книжки. Тайна заключалась в заглавных буквах «Г. П. В.», но от записных книжек, где таилась вся информация, в руках Бодлеров осталось лишь несколько обрывков страниц, да и те детям некогда было изучить как следует. А что, если Группа Поющих Волонтеров и есть ответ, который они ищут?

– Нет, это не Лу! – крикнула Вайолет. – Мы – трое детей, и нам надо отправить телеграмму.

– Телеграмму? – переспросил голос, и, обогнув еще один угол, Бодлеры едва не налетели на человека, который с ними разговаривал.

Очень маленького роста, ниже Вайолет и Клауса, он выглядел так, как будто очень давно не спал и не брился. На нем было два разных башмака с ценниками и несколько рубаш и шляп одновременно. Он до такой степени был скрыт под всеми этими вещами, что и сам почти превратился в вещь. Отличали его лишь дружелюбная улыбка и грязные ногти.

– Да, конечно, вы не Лу, – проговорил он. – Лу – один упитанный парень, а вы – трое худеньких детей. Что вы тут делаете в такую рань? Здесь, знаете ли, небезопасно. Я слышал, что в утреннем выпуске «Дейли пунктилио» сегодня напечатано про троих убийц и они скрываются где-то в наших местах. Но сам про них я еще не читал.

– Газеты иногда искажают факты, – нервно сказал Клаус.

Хозяин лавки нахмурился.

– Чепуха, – отрезал он. – «Дейли пунктилио» не печатает неправды. Если в газете сказано, что кто-то убийца, значит он убийца – и все тут. Так вы говорите, вам нужно послать телеграмму?

– Да, – ответила Вайолет, – в город, мистеру По из Управления Денежных Штрафов.

– Это далеко, телеграмма в город будет стоить немалых денег, – предупредил хозяин, и Бодлеры обменялись унылыми взглядами.

– У нас с собой вообще нет денег, – признался Клаус. – Мы – сироты, и нашими деньгами ведает мистер По. Пожалуйста, сэр!

– SOS!¹ – выпалила Солнышко.

– Сестра хочет сказать, что ситуация чрезвычайная, – пояснила Вайолет. – И так оно и есть.

Лавочник с минуту глядел на детей, а потом развел руками.

– Ну, если и впрямь чрезвычайная, то я не возьму с вас денег. Я никогда не беру за что-то очень важное. Например, с Группы Поющих Волонтеров, когда они тут останавливаются. Я даже даю им бензин даром, ведь они так замечательно трудятся.

– А что именно они делают? – поинтересовалась Вайолет.

¹ SOS – международный сигнал бедствия. – Здесь и далее примеч. перев.

– Ну как же, помогают людям бороться с болезнью, – ответил хозяин лавки. – Они останавливаются здесь каждое утро спозаранку по дороге в клинику. И там ежедневно, не жалея сил, подбадривают больных. Да мне совесть не позволяет брать с них деньги за что бы то ни было.

– Вы очень добрый человек, – сказал Клаус.

– Спасибо, ты очень любезен, – отозвался хозяин лавки. – Хорошо, телеграфный аппарат вон там, около фарфоровых котят. Я вам помогу.

– Мы справимся сами, – сказала Вайолет. – Такой аппарат я построила, когда мне было семь лет, так что я знаю, как замкнуть электрическую цепь.

– А я прочел две книжки про азбуку Морзе, – добавил Клаус, – так что могу перевести наше сообщение на язык электросигналов.

– Помощь! – выкрикнула Солнышко.

– Какая одаренная компания! – Лавочник улыбнулся. – Ладно, оставляю вас одних. Надеюсь, этот мистер По окажет помощь в вашей чрезвычайной ситуации.

– Спасибо огромное, – поблагодарила его Вайолет. – Я тоже надеюсь.

Хозяин лавки махнул им рукой и скрылся за выставкой картофелечисток. Бодлеры взволнованно посмотрели друг на друга.

– Группа Поющих Волонтеров? – шепнул Клаус старшей сестре. – Как ты считаешь, может, мы наконец узнали настоящее значение букв «Г. П. В.»?

– Жак! – выпалила Солнышко.

– Действительно, до того как его убили, Жак упоминал про то, что работал волонтером, – подтвердил Клаус. – Вот бы успеть сейчас взглянуть на странички из квегмайровских книжек. Они так и лежат у меня в кармане.

– Нет, – остановила его Вайолет, – в первую очередь посылаем телеграмму мистеру По. Как только Лу доставит утренний выпуск «Дейли пунктилио», хозяин перестанет думать о нас как об одаренных детях и начнет думать как об убийцах.

– Ты права, – согласился Клаус. – У нас будет время поразмыслить об этом после того, как мистер По вызовет нас из этой передраги.

– Тросслик, – добавила Солнышко. Она хотела сказать что-то вроде «Ты хочешь сказать – если вызовет».

Старшие брат и сестра с мрачным видом кивнули и пошли к телеграфному аппарату. Он представлял собой устройство из циферблатов, проволок и непонятных металлических деталей. Я бы ни за что не решился даже дотронуться до них, но Бодлеры подошли к аппарату совершенно безбоязненно.

– Я уверена, что мы сумеем привести его в действие, – сказала Вайолет. – На вид это совсем не сложно. Смотри, Клаус, вот этими двумя металлическими пластинками ты выстукиваешь сообщение морзянкой, а я замыкаю цепь. Солнышко, ты встаешь здесь и надеваешь наушники, чтобы знать, проходит ли сигнал. Приступаем.

И дети приступили, что в данном случае означает «заняли свои места около телеграфного аппарата». Вайолет крутанула диск, Солнышко надела наушники, а Клаус протер очки, чтобы как следует видеть, что делает. Дети кивнули друг другу, и Клаус начал выстукивать сообщение, произнося его вслух: «Мистеру По, Управление Денежных Штрафов. От Вайолет, Клауса и Солнышка Бодлер. Пожалуйста, не верьте истории про нас в „Дейли пунктилио“ ТОЧКА. Граф Олаф жив, мы его не убивали ТОЧКА».

– Что передавать дальше? – спросил Клаус.

«Вскоре после нашего прибытия в Г. П. В. нам сообщили, что Граф Олаф пойман ТОЧКА, – продиктовала Вайолет. – Хотя у арестованного на щиколотке имелся вытатуированный глаз и одна бровь вместо двух, человек этот не был Графом Олафом ТОЧКА. Его звали Жак Сникет ТОЧКА».

«На следующий день его нашли убитым, и в город приехал Граф Олаф со своей подружкой Эсме Скволор ТОЧКА, – продолжал отстукивать Клаус. – Для осуществления своего замысла – украсть наследство, оставленное нам родителями, Граф Олаф переоделся детективом и убедил горожан Г. П. В., что мы убийцы ТОЧКА».

– Укнер, – добавила Солнышко, и Клаус, переведя слово на английский, отстучал его морзянкой.

«При этом мы обнаружили место, где Олаф прятал тройняшек Квегмайр, и помогли им бежать ТОЧКА. Квегмайры сумели передать нам несколько страничек из своих записных книжек, чтобы помочь узнать настоящее значение букв „Г. П. В.“ ТОЧКА».

«Нам удалось бежать из города, когда жители хотели сжечь нас на костре за убийство, которого мы не совершали ТОЧКА», – продиктовала Вайолет, и Клаус быстро отстучал это, после чего добавил: «Пожалуйста, ответьте немедленно ТОЧКА. Нам угрожает серьезная опасность ТОЧКА».

Клаус простучал последнюю букву и перевел взгляд на сестер.

– Нам угрожает серьезная опасность, – повторил он, не дотрагиваясь до рычажков.

– Ты уже передал эту фразу, – поправила его Вайолет.

– Я знаю, – тихо проговорил Клаус. – Я не посылал ее еще раз, а просто повторил вслух. Я как-то не сознавал, насколько серьезна опасность, пока не передал телеграмму.

– Илими, – сказала Солнышко и сняла наушники, чтобы положить головку Клаусу на плечо.

– Мне тоже страшно, – призналась Вайолет и погладила сестру по спине. – Но я уверена, что мистер По нам поможет. Мы же не в состоянии решить эту проблему сами.

– Но ведь именно сами мы всегда и решали наши проблемы, – возразил Клаус. – Со дня пожара. А мистер По только и делал, что посылал нас из одного дома в другой, где нас одна за другой преследовали беды.

– А на этот раз поможет, – сказала Вайолет, впрочем не слишком уверенным тоном. – Следи за аппаратом. Мистер По может прислать ответ в любую минуту.

– А что, если не прийдет? – предположил Клаус.

– Чонекс, – пробормотала Солнышко и прильнула к своим старшим. Она хотела сказать нечто вроде «Тогда мы окажемся совсем одни».

Звучит это довольно нелепо, когда находишься рядом с братом и сестрой посреди лавки, битком набитой товарами, так что буквально шагу негде ступить. Но Бодлерам, которые сидели, тесно прижавшись друг к другу, и не спускали глаз с телеграфного аппарата, фраза эта не показалась нелепой. Их окружали нейлоновые веревки, мастика для пола, суповые миски, оконные занавески, деревянные лошадки-качалки, шляпы, стекловолоконный кабель, розовая губная помада, курага, увеличительные стекла, черные зонтики, тонкие кисточки, французские рожки², и к тому же бодлеровские сироты были вместе, тем не менее, пока они сидели так и ждали ответа на телеграмму, их все сильнее охватывало чувство одиночества.

² Имеется в виду музыкальный инструмент.

Глава вторая

ИЗ ВСЕХ нелепых выражений, употребляемых людьми (а люди употребляют массу нелепых выражений), одним из самых нелепых я считаю «отсутствие новостей – хорошая новость». Это должно означать: если кто-то не дает о себе знать, стало быть, у него все обстоит прекрасно. Нетрудно сразу увидеть всю бессмысленность этого утверждения, поскольку «все обстоит прекрасно» – лишь одно из многих-многих объяснений того, что кто-то не дает о себе знать. Возможно, он лежит связанный по рукам и ногам. А может быть, он окружен злобными хорьками или застрял между двумя холодильниками и ему не выбраться на свободу. Выражение это с успехом можно заменить на «отсутствие новостей – плохая новость», за исключением тех случаев, когда человек не дает о себе знать, так как его в это время, скажем, коронуют на царство или же он участвует в спортивных состязаниях. В сущности, выяснить, почему кто-то не подает о себе вестей, не удастся до тех пор, пока он не даст о себе знать и не объяснит, в чем дело. Вот почему осмысленным могло бы стать выражение «отсутствие новостей – значит нет новостей», но тогда смысл его настолько очевиден, что и выражением это не назовешь.

Так или иначе, а по-другому положение Бодлеров, после того как они послали отчаянную телеграмму мистеру По, не опишешь. Вайолет, Клаус и Солнышко час за часом сидели, уставясь на телеграфный аппарат, в ожидании ответа от банковского чиновника. Время шло и шло, и дети стали по очереди задремывать, прислонясь к окружающим их товарам лавки «Последний шанс». Они все еще надеялись получить хотя бы какой-то отклик от человека, который заведовал делами сирот. Но когда в окно заглянули первые солнечные лучи и осветили все ценники, единственной новостью, полученной детьми, явилось известие, что хозяин лавки испек свежие булочки с клюквенным джемом.

– Я испек свежие булочки с клюквенным джемом! – объявил хозяин лавки, выглядывая из-за башни ситечек для просеивания муки. На каждой руке у него было надето по крайней мере по две кухонные рукавицы, и он нес на стопке разноцветных подносов теплые булочки. – Обычно я ихставляю на продажу между патефонными пластинками и садовыми граблями, но я и подумать не могу, чтобы вы, дети, отправились дальше без завтрака, да еще когда в окрестностях бродят злобные убийцы. Так что берите, угощаю вас бесплатно.

– Вы очень добры, – сказала Вайолет, и каждый из Бодлеров взял по булочке с верхнего подноса. Они ничего не ели с тех пор, как покинули город Г. П. В., поэтому быстро расправились с булочками, то есть съели все до последней теплой сладкой крошки.

– Ну и проголодались же вы! – удивился хозяин. – Удалось вам отправить телеграмму? Получили ответ?

– Нет еще, – отозвался Клаус.

– Пусть это не тревожит ваши детские головки, – посоветовал лавочник. – Помните: отсутствие новостей – хорошая новость.

– Отсутствие новостей – хорошая новость? – раздался где-то голос. – А у меня, Милт, как раз для тебя есть новости. Про тех самых убийц.

– Лу! – с восторгом воскликнул хозяин лавки и повернулся к детям. – Простите, – сказал он. – Там Лу принес «Дейли пунктилио».

Он стал продираться сквозь ковры, свисающие гроздью с потолка, а Бодлеры в испуге устали друг на друга.

– Что делать? – шепнул Клаус. – Если хозяин прочтет в газете, что мы убийцы?.. Надо скорее бежать.

– Если мы убежим, мистер По не сможет связаться с нами, – возразила Вайолет.

– Гикри! – выкрикнула шепотом Солнышко, желая сказать «У него была для этого целая ночь, но он так и не прислал ответа».

– Лу! – позвал хозяин. – Где ты, Лу?

– Тут, где перечницы, – откликнулся разносчик газет. – Погоди, сейчас прочтешь историю про трех убийц того графа. Тут есть фотографии, и вообще. Мне по дороге попались полицейские, так они сказали, что стягивают кольцо. Пропустили только меня и волонтеров. Полиция вот-вот поймает ребятишек и отправит в тюрьму.

– Ребятишек? – переспросил хозяин. – Так убийцы – дети?

– Ага, – ответил разносчик. – Смотри сам!

Дети в ужасе воззрились друг на друга. Солнышко пискнула от страха. Они услышали шуршание бумаги, а затем взволнованный голос лавочника:

– Я их знаю! Они у меня в лавке! Я их только что угостил булочками!

– Угостил булочками убийц? – воскликнул Лу. – Это ты неправильно сделал, Милт. Преступников надо наказывать, а не булочками кормить.

– Я же не знал, что они убийцы, – оправдывался лавочник. – Зато теперь знаю. Тут в «Дейли пунктилио» так прямо и сказано. Звони в полицию, Лу! А я их задержу, чтоб не удрали.

Не теряя времени, Бодлеры бросились в другую сторону, прочь от голосов, по проходу с английскими булавками и полосатыми леденцами.

– Держим направление на керамические пепельницы, – прошептала Вайолет. – Помоему, там можно выбраться.

– А когда выберемся, что будет? – шепнул в ответ Клаус. – Разносчик сказал, что полицейские стягивают кольцо.

– Мьюлик! – ввернула Солнышко, что означало «Обсудим это позже!»

– Ах черт! – послышался удивленный возглас хозяина лавки за несколько рядов от них. – Лу, ребятишек тут нету! Ищи их!

– Как они выглядят? – отозвался разносчик газет.

– С виду невинные детишки, – ответил хозяин. – Но на самом-то деле они опасные преступники. Будь осторожен.

Дети завернули за угол, нырнули в следующий проход, прижались к стойке с цветной бумагой и консервированным горошком и прислушались к быстрым шагам разносчика.

– Где вы прячетесь, убийцы? – крикнул он. – Лучше сдавайтесь!

– Мы не убийцы! – не выдержала расстроенная Вайолет.

– А кто же еще! – отозвался хозяин лавки. – Сказано же в газете!

– Между прочим, если вы не убийцы, – насмешливо фыркнул разносчик, – чего вы прячетесь и бегаєте?

Вайолет хотела было ответить, но Клаус зажал ей рот рукой.

– Они по голосу поймут, где мы, – шепнул он. – Пусть говорят между собой, а мы попробуем удрать.

– Лу, ты их видишь? – крикнул хозяин лавки.

– Нет, но не будут же они прятаться вечно. Пойду поищу около нижних рубашек.

Бодлеры посмотрели перед собой и увидели кипу белых рубаш, приготовленных для продажи. Задыхаясь от страха, дети бросились в противоположную сторону и попали в проход, где полки были уставлены тикающими часами.

– Попробую поискать в часовом отделе! – крикнул лавочник. – Не могут же они прятаться вечно!

Дети помчались по проходу, проскочили мимо полки с вешалками для полотенец и вереницы свинок-копилек и обогнули выставку скромных клетчатых юбок.

Наконец над верхней полкой в том ряду, где ничего, кроме домашних шлепанцев, не было, Вайолет заметила верхушку двери и молча вытянула в ту сторону палец.

– Спорю, они в колбасном отсеке! – сказал хозяин.

– Спорю, они около выставки ванн! – отозвался разносчик.

– Им не удастся прятаться вечно! – крикнул лавочник.

Бодлеры набрали воздуха в легкие и ринулись к выходу. Но едва они очутились снаружи лавки «Последний шанс», как тут же поняли, что ее хозяин прав. Солнце ползло вверх, постепенно открывая плоскую безлюдную равнину, по которой они шли целую ночь. Скоро всю окрестность зальет солнечным светом и на плоскости детей будет видно издали как на ладони. Да, они не могли прятаться вечно. Стоявшим перед лавкой «Последний шанс» Вайолет, Клаусу и Солнышку почудилось, что им не удастся прятаться ни одной минутой дольше.

– Глядите! – Клаус показал туда, где всходило солнце. Неподалеку стоял серый квадратный фургон, и на боку у него виднелась надпись «Г. П. В.».

– Должно быть, это и есть Группа Поющих Волонтеров, – сказала Вайолет. – Разносчик говорил, что только ему и волонтерам разрешили находиться в этом районе.

– Значит, фургон – единственное средство спрятаться, – сказал Клаус. – Если нам удастся проникнуть в него – мы уйдем от полиции, во всяком случае на какое-то время.

– Но на этот раз Г. П. В. может оказаться настоящим Г. П. В., – запротестовала Вайолет. – И если волонтеры эти причастны к злой тайне, о которой пытались сказать нам Квегмайры, мы попадем из огня да в полымя.

– Или же это приблизит нас к решению загадки Жака Сникета, – в свою очередь возразил Клаус. – Вспомните, прежде чем его убили, он сказал, что работал волонтером.

– Если нас посадят за решетку, решение загадки Жака Сникета нам ничего не даст, – сказала Вайолет.

– Блусин, – проговорила Солнышко, имея в виду нечто вроде «У нас, собственно, нет выбора». И неуверенными шажками она направилась впереди всех к фургону.

– Но как нам в него попасть? – Вайолет зашагала рядом с сестрой.

– И что мы скажем волонтерам? – спросил Клаус, нагнав сестер.

– Импро, – ответила Солнышко, и это означало «Что-нибудь придумаем».

Но на этот раз детям не пришлось ничего придумывать. В тот момент, когда они подошли к фургону, какой-то бородатый мужчина, державший в руках гитару, высунулся из окошка и окликнул их.

– Мы вас чуть не забыли, брат, и вы, сестры! – произнес он. – Мы как раз заправились бесплатным бензином и готовы ехать в больницу.

Волонтер улыбнулся, отпер дверь и, распахнув ее, поманил детей.

– Запрыгивайте! – пригласил он. – Мы не хотим терять наших волонтеров, когда мы еще и первого куплета не спели. Ведь, говорят, в наших местах скрываются убийцы.

– Вы прочли это в газете? – нервно спросил Клаус.

Бородатый засмеялся и взял жизнерадостный аккорд.

– Нет-нет, мы не читаем газет. Чтобы не огорчаться. Наш девиз «Отсутствие новостей – хорошая новость». Вы, наверное, новички, раз этого не знаете. Ну, запрыгивайте.

Но Бодлеры все медлили. Как вы наверняка знаете, не очень благоразумно садиться в машину с кем-то совсем незнакомым, особенно если этот кто-то верит в такую чепуху, как «отсутствие новостей – хорошая новость». Но совсем уж неблагоразумно стоять на виду посреди плоской безлюдной равнины, когда туда со всех сторон стягиваются полицейские силы, чтобы арестовать вас за преступление, которого вы не совершали. Поэтому трое детей стояли на месте, решая, что выбрать: то, что не очень благоразумно, или то, что совсем неблагоразумно. Они поглядели на бородача с гитарой. Затем друг на друга. А потом оглянулись на лавку «Последний шанс» и увидели, что из дверей выскочил хозяин и бросился по направлению к фургону.

– О'кей, – сказала Вайолет, – запрыгиваем.

Бородатый улыбнулся, дети залезли в фургон и закрыли за собой дверь. Но хотя бородатый волонтер приглашал их запрыгнуть, они не стали прыгать. Ведь люди прыгают в радостные моменты своей жизни. Водопроводчик, например, может запрыгать, починив особо сложную протечку в ванной. Скульптор запрыгает, завершив скульптуру «Четыре бассета³, играющие в карты». А я запрыгал бы, как никто и никогда, если бы мог каким-то образом вернуться в тот ужасный четверг и не пустить Беатрис на файв-о-клок⁴, где она впервые повстречала Эсме Скволор.

Однако Вайолет, Клаус и Солнышко и не подумали прыгать, поскольку не были ни водопроводчиками, заделывающими протечку, ни скульпторами, завершающими свое произведение искусства, ни авторами, мановением пера вычеркивающими из чьей-то жизни целую полосу несчастий. Они были тремя доведенными до отчаяния детьми, которых ложно обвинили в убийстве, и поэтому им пришлось сбежать из лавки и кинуться в неизвестно чей фургон, чтобы не попасть в руки полиции. Бодлеры не запрыгали, даже когда заработал мотор и фургон начал удаляться от лавки «Последний шанс», невзирая на отчаянно жестикулирующего хозяина, который пытался остановить его. И даже когда фургон Г. П. В. покати́л по безлюдной местности, бодлеровские сироты продолжали сомневаться, что когда-либо жизнерадостно запрыгают.

³ Порода собак.

⁴ Чай между ланчем и обедом.

Глава третья

Мы волонтеры, мы бьемся с болезнью,
Дарим веселье весь день напролет.
Кто попрекнет нас печалью и ленью,
Тот однозначно и нагло соврет.

Мы навещаем больных и недужных,
Чтоб улыбнулись они хоть разок,
Даже сквозь кашель сухой и натужный,
Даже сквозь сопли и мокрый платок.

Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-лей,
А ну поправляйся быстрее.
Тра-ла-ла-ла, э-ге-ге-гей,
Держи скорей шарик и не болей.

Приходим к тому, кто недомогает,
Чтоб над болячкой смеялся он сам,
Даже когда доктора обещают
Ловко его распилить пополам.

Песня повсюду разносится звонко,
Поем мы куплеты ночью и днем.
Поем для мальчишки с разбитой коленкой
И для девчонки с ангиной поем.

Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-лей,
А ну поправляйся быстрее.
Тра-ла-ла-ла, э-ге-ге-гей,
Держи скорей шарик и не болей.

Поем мужику с неизвестной хворобой,
Домохозяйке поем с ОРЗ,
Если ты кладезь смертельных микробов,
Наверняка мы споем и тебе.

Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-лей,
А ну поправляйся быстрее.
Тра-ла-ла-ла, э-ге-ге-гей,
Держи скорей шарик и не болей⁵.

Один мой коллега по имени Уильям Конгрив когда-то написал очень грустную пьесу. Она начинается строкой: «И чары музыки смягчают волнение души». Фраза эта в данном случае означает – если вы взволнованы или выведены из душевного равновесия, послушайте музыку, и она вас успокоит и ободрит. Сейчас, например, когда я скорчился позади алтаря в соборе одной, как говорят, святой, мой друг играет сонату на органе, чтобы успокоить меня и чтобы прихожане не услышали стука моей пишущей машинки. Скорбная тема сонаты напоминает мне мелодию, которую любил напевать мой отец, когда мыл посуду, и, слушая ее, я на время забываю о полудюжине неприятностей.

Однако успокоительное воздействие музыки на взволнованную душу, безусловно, зависит от характера музыки, и я с сожалением должен сказать, что бодлеровские сироты, слушавшие распеваемую волонтерами песню, не почувствовали ни малейшего успокоения или бодрости. Очутившиеся в фургоне Вайолет, Клаус и Солнышко до такой степени были озабочены тем, как избежать ареста, что на первых порах даже не огляделись вокруг. Но когда они отъехали на порядочное расстояние от лавки «Последний шанс» и хозяин ее превратился в пятнышко на плоской безлюдной равнине, дети обратили внимание на свое новое убежище. В фургоне ехало человек двадцать, и все без исключения были невероятно жизнерадостны. Жизнерадостные мужчины, жизнерадостные женщины, горстка жизнерадостных детей и очень жизнерадостный водитель, который время от времени отрывал взгляд от дороги и, обернувшись, одарял пассажиров веселой улыбкой. Раньше, когда Бодлерам доводилось совершать долгое путешествие в автомобиле, они обычно читали или смотрели на окружающий пейзаж и при этом думали о чем-то своем. Но тут, едва фургон отъехал от лавки, бородач начал играть на гитаре и петь, вовлекая в пение всех волонтеров, однако каждое веселое «тра-ла-ла» вызывало у Бодлеров лишь еще большую тревогу. Когда волонтеры затянули куплет про носы, из которых идет кровь, дети только и ждали, что вот-вот кто-нибудь перестанет петь и воскликнет: «Постойте! Этих троих в фургоне раньше не было! Они не наши!» Когда поющие дошли до куплета, где доктор обещал кого-то распилить пополам, дети не сомневались, что сейчас

⁵ Перевод песни Анастасии Кузнецовой.

кто-нибудь перестанет петь и скажет: «Стойте! Эти трое не знают слов! Они не наши!» А когда жизнерадостные пассажиры запели ту часть песни, где речь шла о смертельных микробах, Бодлеры окончательно уверились, что сейчас кто-нибудь перестанет петь и скажет: «Стойте-ка! Эти трое детей – убийцы, про них написано в „Дейли пунктилио“. Они не из наших!»

Но жизнерадостные волонтеры предавались радости без перерыва. Они так твердо были уверены, что «отсутствие новостей – хорошая новость», что никто не подумал читать «Дейли пунктилио». Они пели с огромным увлечением и не заметили, что Бодлеры не из их числа.

– Ох и люблю я эту песню! – провозгласил бородач, когда был пропет последний куплет. – Так бы и пел ее всю дорогу до самой больницы. Но пожалуй, надо побереечь голос для трудового дня. Давайте-ка просто посидим и весело поболтаем.

– Потрясно, – заявил один из волонтеров, и все остальные закивали, выражая согласие. Бородатый отложил гитару и подсел поближе к Бодлерам.

– Надо придумать себе другие имена, – шепнула Клаусу Вайолет, – чтобы никто не догадался, кто мы такие.

– В «Дейли пунктилио» и так перепутали наши имена, – шепотом ответил Клаус, – может, нам лучше называться своими, настоящими?

– Так, давайте познакомимся, – бодро заявил бородач. – Я хочу знать всех своих волонтеров до единого.

– Меня зовут Салли, – начала Вайолет, – я...

– Нет-нет, – остановил ее бородач. – Мы в Г. П. В. не пользуемся именами. Называем друг друга просто «сестра» или «брат». Мы считаем, что все люди – сестры и братья.

– Я как-то не понимаю, – сказал Клаус. – Я всегда думал, что братья и сестры – это те, у кого одни родители.

– Не обязательно, брат, – отозвался бородач. – Иногда это люди, объединенные общим делом.

– Значит ли это, брат, – спросила Вайолет, попробовав применить новое слово «брат» в новом значении, но чувствуя, что ей это совсем не нравится. – Значит ли это, что вы не знаете имен тех, кто с вами в фургоне?

– Ты угадала, сестра, – ответил бородач.

– И вы не знали по имени никого, кто когда-либо служил в Группе Поющих Волонтеров? – поинтересовался Клаус.

– Ни одного имени, – подтвердил бородач. – А почему это вас интересует?

– Мы знакомы с одним человеком, – осторожно выбирая слова, ответила Вайолет, – он, как нам кажется, мог быть членом Г. П. В. У него была одна бровь вместо двух и на щиколотке вытатуирован глаз.

Бородач наморщил лоб:

– Никого не знаю такой наружности, а ведь я с Поющими Волонтерами с самого начала.

– Бред! – выпалила Солнышко.

– Сестра хочет сказать, – объяснил Клаус, – что мы разочарованы. Мы надеялись узнать побольше об этом человеке.

– А вы уверены, что он был членом Группы Поющих Волонтеров? – осведомился бородач.

– Нет, – признался Клаус. – Знаем только, что он работал волонтером чего-то там.

– Ну так волонтеров чего-то там полным-полно, – ответил бородач. – Вам, ребятки, нужно какое-нибудь хранилище документов.

– Хранилище документов? – переспросила Вайолет.

– В хранилище документов содержится официальная информация. Там можно найти список всех до единой волонтерских организаций в мире. Или же поищите сведения именно

об этом, интересующем вас лице, проверьте, существует ли его досье. Может, узнаете, где он работал.

– Или откуда знал наших родителей, – нечаянно подумал вслух Клаус.

– Ваших родителей? – Бородатый завертел головой. – Они тоже тут?

Бодлеры обменялись взглядами. Вот если бы родители были здесь, в фургоне, пусть бы и пришлось тогда обращаться с нелепыми «брат» к отцу и «сестра» – к маме! Порой детям казалось, будто прошли сотни и сотни лет с того ужасного дня на пляже, когда мистер По сообщил им страшную новость. Но не менее часто им казалось, будто с тех пор прошло всего несколько минут. Вайолет представила себе, как отец сидит рядом и, возможно, показывает на что-то интересное за окном фургона. Клаус представил себе, как мама улыбается и покачивает головой, потому что ее позабавили нелепые слова песни волонтеров. А Солнышко представила себе, как все пятеро Бодлеров опять собрались вместе и не надо спасаться от полиции, никого не обвиняют в убийстве, никто не ломает себе голову над решением разных загадок и, главное, никто не погибает во время страшного пожара. Но представлять себе что-то – это одно, а реальность – совсем другое. Бодлеров-родителей в фургоне не было. Дети посмотрели на бородатого мужчину и печально помотали головой.

– Ух, какие мрачные! – сказал бородатый. – Ну ничего, не беспокойтесь. Где бы ваши родители сейчас ни находились, они наверняка довольны жизнью, так что долой хмурые лица. Быть жизнерадостным – вот смысл организации Поющих Волонтеров, помогающих бороться с болезнями.

– А что конкретно мы будем делать в больнице? – задала вопрос Вайолет, чтобы переменить тему.

– Именно то, чем занимается Г. П. В. Мы – волонтеры, и мы будем бороться с болезнями.

– Надеюсь, нам не придется делать уколы, – заметил Клаус. – Мне всегда как-то не по себе от вида шприцев.

– Конечно не придется, – успокоил его бородатый. – Мы делаем все только жизнерадостное. В основном мы бродим по коридорам, поем для больных и дарим им воздушные шарики в форме сердца.

– Но каким образом это помогает бороться с болезнью? – с недоумением спросила Вайолет.

– Получив жизнерадостный шарик, легче представить себе, что ты поправляешься, а если что-то представлять себе, оно становится реальностью, – объяснил бородатый. – В конце концов, жизнерадостное отношение ко всему – самое эффективное средство против болезни.

– А я думал, такое средство – антибиотики, – вставил Клаус.

– Эхинацея! – добавила Солнышко. Она хотела сказать «Или хорошо проверенные лекарственные травы».

Но бородатый мужчина перестал обращать внимание на детей и устался в окно.

– Волонтеры, подъезжаем! – крикнул он. – Вот и больница! – Он повернулся к Бодлерам и показал пальцем в окно. – Правда красивое здание?

Дети выглянули наружу и решили, что могут согласиться с бородатым волонтером лишь наполовину по той простой причине, что больница представляла собой лишь половину здания или в лучшем случае две трети. Левая сторона больницы была белой и сияющей, с рядом высоких колонн и небольшими барельефами – портретами знаменитых врачей над каждым окном. Перед зданием имелась аккуратно подстриженная лужайка с пятнами ярких полевых цветов. Но правую сторону больницы никак нельзя было пока назвать зданием, и тем более красивым. Это было сооружение из наспех сколоченных планок, образующих что-то вроде клеток. Вместо пола были набросаны доски, стены и окна отсутствовали, а все вместе выглядело как скелет больницы. Не было в помине колонн, никаких изображений врачей, лишь кое-где развевались на ветру большие куски пластика, и вместо лужайки перед зданием простиралась пустая

грязная площадка. Создавалось впечатление, будто отвечавший за строительство архитектор, не достроив здание, вдруг решил поехать на пикник, да так оттуда и не вернулся. Водитель припарковал фургон под вывеской, которая тоже была не закончена: половина слова «больница» выведена красивыми золотыми буквами на поверхности чистой деревянной доски, вторая же половина нацарапана шариковой ручкой на куске картона, оторванного от старой коробки.

– Уверен, что когда-нибудь ее закончат, – сказал бородатый. – А пока мы можем представлять себе, как будет выглядеть другая половина здания, а когда представляешь что-то, оно может стать реальностью. Итак, представим себе, как мы выходим из фургона.

Троим Бодлерам не понадобилось ничего представлять, они просто взяли и вышли вслед за бородачом и остальными волонтерами на лужайку перед более привлекательной половиной больницы. Члены Г. П. В. некоторое время потягивались, расправляя руки и ноги после долгой поездки, потом помогли бородачу вытащить из глубины фургона огромную связку воздушных шаров. Дети просто стояли рядом и с тревогой гадали, что делать дальше.

– Куда нам деться? – размышляла вслух Вайолет. – Если бродить по коридорам и петь, кто-нибудь может узнать нас.

– Это верно, – согласился Клаус. – Не все же доктора, медсестры, администраторы и больные считают, что «отсутствие новостей – хорошая новость». Нет сомнений, что кто-нибудь из них уже прочел утренний выпуск «Дейли пунктилио».

– Аронек, – добавила Солнышко, что означало «Пока мы ничего не узнали ни про Г. П. В., ни про Жака Сникета».

– Ты права, – сказала Вайолет. – Может быть, надо найти хранилище документов, как советовал бородатый мужчина.

– Где же его искать? – возразил Клаус. – Мы находимся невесть где.

– Не ходить, – заявила Солнышко.

– Мне тоже больше не хочется без конца бродить, – сказала Вайолет, – но что нам еще остается?

– А ну-ка, волонтеры! – позвал бородатый. Он вынул из фургона гитару и взял несколько знакомых жизнерадостных аккордов. – Каждый берет по воздушному сердечку и начинает петь!

Мы волонтеры, мы бьемся с болезнью,
Дарим веселье весь день напролет.
Кто попрекнет нас печалью и ленью,
Тот однозначно и нагло соврет.

– Внимание! – прервал его голос, который шел откуда-то с неба. Голос был женский, но очень хриплый и слабый, казалось, женщина говорит сквозь наклепленную на рот фольгу. – Прошу внимания!

– Тихо все! – скомандовал бородач, перестав петь. – Это Бэбс, зав человеческими ресурсами. Должно быть, какое-то важное объявление.

– Внимание! – повторил голос. – Говорит Бэбс, Зав Человеческими Ресурсами. Я хочу сделать важное объявление.

– Где она? – спросил Клаус, обеспокоенный тем, что вдруг среди волонтеров Г. П. В. она узнает троих обвиняемых в убийстве.

– Где-то в больнице, – ответил бородатый. – Она предпочитает общаться по аппарату внутренней связи.

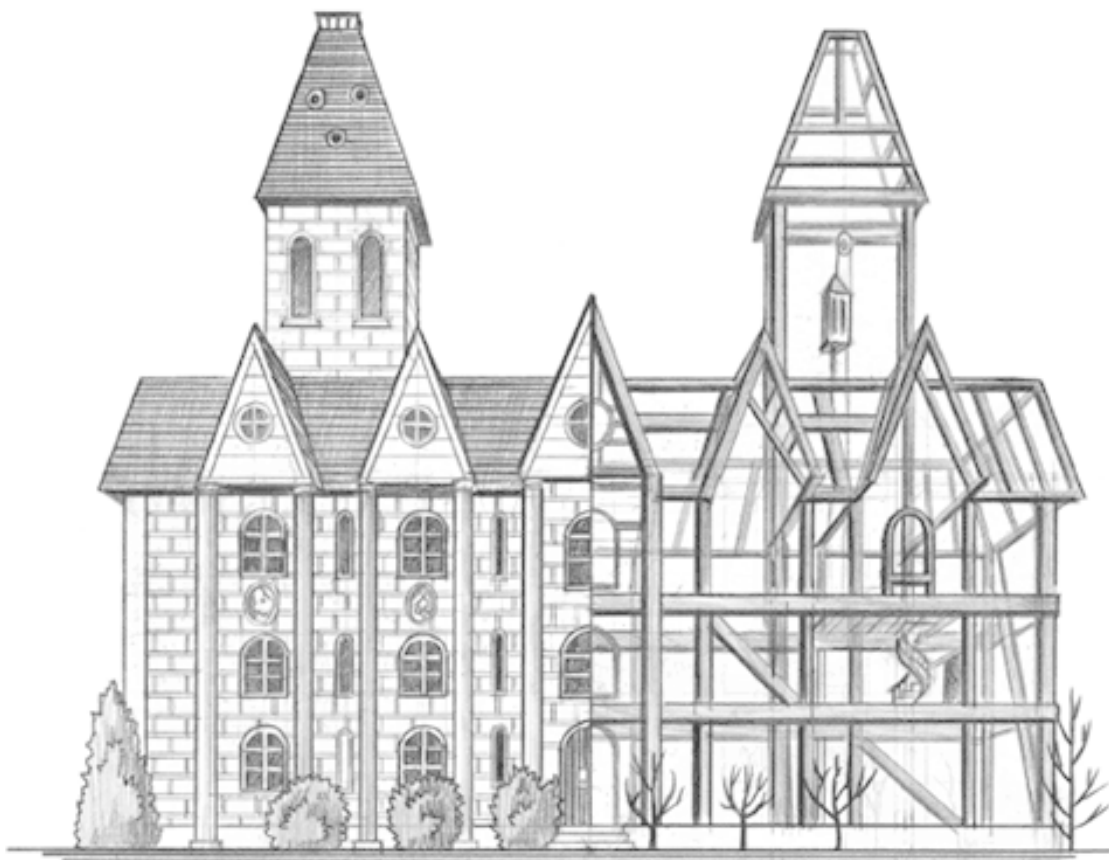
Слова «внутренняя связь» в данном случае означают, что кто-то где-то говорит в микрофон, а голос выходит из динамика совсем в другом месте. Дети и в самом деле заметили ряд квадратных ящичков, помещенных над барельефами врачей на завершенной половине здания.

– Внимание! – снова раздался голос, теперь еще более хриплый и тихий, как будто женщина с фольгой, наклепленной на рот, свалилась в бассейн, наполненный газированной водой.

Не самая приятная манера говорить, и тем не менее, едва бодлеровские сироты услышали сделанное Бэбс заявление, на их взволнованные души снизошло умиротворение, словно слабый и скрипучий голос был успокоительной музыкой. Бодлеры, однако, почувствовали себя лучше не из-за того, как звучал голос Бэбс. Их взволнованные души успокоились от того, что именно она сказала.

– Мне требуются три человека из Группы Поющих Волонтеров, если они готовы получить новое назначение, – сказал голос. – Эти три человека должны немедленно явиться в мой офис, семнадцатая дверь слева от входа в завершенную половину больницы. Вместо того чтобы бродить по коридорам и петь для больных, эти трое будут работать в хранилище документов здесь, в больнице.

Глава четвертая

СТОИТЕ ЛИ вы перед дверью директора школы, вызванные за то, что бросали мокрые бумажные полотенца в потолок – посмотреть, прилипнут они к потолку или нет, или ждете приема к зубному врачу с целью упротить его высверлить вам дупло в зубе, чтобы пронести одну страничку из вашей последней книги мимо контроля в аэропорту, – в любом случае стоять перед дверью какого угодно кабинета всегда неприятно. Пока бодлеровские сироты стояли перед дверью с надписью «Кабинет зава человеческими ресурсами», они вспоминали все неприятные кабинеты, которые им довелось посещать в последнее время. В день поступления в Пруфрокскую подготовительную школу, когда они еще не познакомились с Айседорой и Дунканом Квегмайр, Бодлеры посетили кабинет завуча Ниро и узнали все суровые и несправедливые правила этого учебного заведения. Когда они работали на лесопилке «Счастливые запахи», детей вызвали в кабинет хозяина и тот им обрисовал их ужасную ситуацию. И естественно, Вайолет, Клаусу и Солнышку приходилось много-много раз бывать в кабинете банкира мистера По, где он кашлял, разговаривал по телефону и принимал решения относительно судьбы Бодлеров – решения, которые ни к чему хорошему не приводили. Но даже если бы у детей и не было такого печального опыта по части кабинетов, все равно они долго стояли перед семнадцатой дверью слева и собирались с духом, прежде чем постучаться.

– Я не уверена, должны ли мы рисковать, – проговорила Вайолет. – Если Бэбс прочла утром «Дейли пунктилио», она сразу же нас узнает. Стучать в эту дверь – все равно что стучаться в дверь тюремной камеры.

– Но возможно, хранилище документов – наша единственная надежда, – запротестовал Клаус. – Нам необходимо выяснить, кем был Жак Сникет, где он работал, откуда знал нас.

Если мы добудем какие-то факты, мы сможем убедить людей в том, что Граф Олаф жив, а мы не убийцы.

– Кьюрой, – добавила Солнышко, что значило «Кроме того, тройняшки Квегмайр далеко-далеко отсюда, и у нас всего несколько страничек из их записных книжек. А нам нужно непременно выяснить настоящее значение букв „Г. П. В.“».

– Солнышко права, – подтвердил Клаус. – Возможно, в хранилище документов нам даже удастся разрешить загадку подземного туннеля, который ведет от квартиры Джерома и Эсме Скволор прямо к пепелищу бодлеровского дома.

– Афффику, – заключила Солнышко. Она имела в виду что-то вроде «А единственный способ попасть в хранилище – это поговорить с Бэбс. Выходит, надо рискнуть».

– Хорошо. – Вайолет с улыбкой поглядела на младшую сестру. – Ты меня убедила. Но если Бэбс начнет смотреть на нас с подозрением, мы тут же уходим. Договорились?

– Договорились, – ответил Клаус.

– Да, – отозвалась Солнышко и постучала в дверь.

– Кто там? – послышался голос Бэбс.

– Трое из Группы Поющих Волонтеров, – ответила Вайолет. – Мы готовы работать в хранилище документов.

– Входите, – приказала Бэбс. Дети открыли дверь и вошли в кабинет. – Без конца жду, когда кто-нибудь придет, – продолжала зав человеческими ресурсами. – Я как раз прочла утренний выпуск газеты. Про то, как трое ужасных детей появляются в нашем округе и убивают людей.

Бодлеры переглянулись и только хотели броситься к двери, как заметили нечто, отчего раздумали спастись бегством. Кабинет зава человеческими ресурсами был небольшой – небольшой стол, два небольших стула, небольшое окошко с двумя маленькими занавесками. На подоконнике стояла маленькая ваза с желтыми цветами, а на стене висел изящный портрет мужчины, ведущего лошадь к маленькому пруду. Но не меблировка комнаты, не цветочное украшение и не изящное произведение искусства остановили троих сирот.

Голос Бэбс шел со стороны стола, как и ожидали дети, но вот чего они не ожидали, так это того, что Бэбс не было ни за столом, ни на столе, ни даже под столом. Вместо этого в центре стола стоял маленький квадратный динамик – точно такой, какие размещались на наружной стене больницы, и именно оттуда раздавался голос. Странно было слушать голос, исходивший от динамика, а не от человека, но дети быстро сообразили, что Бэбс их не видит и, значит, не может узнать. Вот почему они остались в комнате.

– Мы тоже трое детей, – начала Вайолет, обращаясь к динамику и стараясь, насколько возможно, придерживаться правды. – Но мы предпочитаем работать волонтерами в больнице, а не становиться на путь преступлений...

– Если вы дети, то помолчите! – грубо оборвал ее голос Бэбс. – По моему мнению, детей может быть видно, но не должно быть слышно. Я – взрослый человек, а значит, меня должны слышать, но не видеть. Вот почему я имею дело исключительно с микрофоном. А вы будете иметь дело исключительно с самой важной частью работы, которую мы делаем в больнице. Догадываетесь, что это?

– Лечение больных? – высказал предположение Клаус.

– Молчать! – приказал динамик. – Детей можно видеть, но их не должно быть слышно, запомнили? Я не могу вас видеть, но это не повод, чтобы вы болтали про больных. Нет, ошибаетесь. Самое важное в нашей больнице – работа с документами, поэтому вы будете работать в хранилище документов, расставлять бумаги. Не сомневаюсь, работать вам будет трудно, дети не обладают административным опытом.

– Хенд, – не согласилась Солнышко.

Только Вайолет хотела объяснить, что сестра имела в виду нечто вроде «По правде говоря, я как раз работала помощником администратора в Пруфрокской подготовительной школе», но динамик уже настроился относиться к Бодлерам критически, то есть в данном случае «кричать при каждом удобном случае „Молчать!“». Поэтому он закричал:

– Молчать! Вместо того чтобы тараторить попусту, сейчас же отправляйтесь в хранилище документов. Оно расположено в подвальном этаже, лестница рядом с моим кабинетом. Будете являться прямо туда каждое утро, когда фургон прибывает в больницу, и уезжать с фургоном в конце каждого дня. Фургон будет отвозить вас домой. Есть вопросы?

У Бодлеров, разумеется, накопилось множество вопросов, но они не стали их задавать. Дети знали – скажи они хоть слово, динамик прикажет им замолчать. Кроме того, им не терпелось попасть в хранилище, где они надеялись отыскать ответы на жизненно важные для них вопросы.

– Отлично! – одобрил динамик. – Вы, я вижу, учитесь быть увиденными, но не услышанными. А теперь уберите из кабинета.

Дети убрались оттуда и быстро нашли лестницу, про которую говорил динамик. Бодлеры были рады, что дорогу в хранилище документов так легко запомнить, ибо в этом здании заблудиться ничего не стоило. Лестница извивалась то туда, то сюда, от нее отходило множество коридоров со множеством дверей, и через каждые три метра под динамиками был прибит весьма запутанный план больницы с кучей стрелочек, звездочек и других знаков, незнакомых Бодлерам. Время от времени навстречу им попадался кто-то из работников лечебницы. Хотя ни Поющие Волонтеры, ни зав человеческими ресурсами не узнали троих детей, кто-то в больнице наверняка уже читал «Дейли пунктилио», и, поскольку Бодлерам не хотелось быть увиденными или услышанными, приходилось отворачиваться к стене, делая вид, будто они изучают план.

– Пронесло, – с облегчением вздохнула Вайолет, когда мимо прошла группа врачей; они болтали о чем-то между собой и внимания на них не обратили.

– Да, проскочили, – подтвердил Клаус. – В другой раз может и не повезти. Не думаю, что сегодня нам следует возвращаться к фургону, да и в другие вечера тоже.

– Ты прав, – согласилась Вайолет. – Чтобы добраться до фургона, пришлось бы каждый день проходить через всю больницу. Но как быть ночью? Людям покажется странным, если трое детей будут ночевать в хранилище документов.

– Половина, – подсказала Солнышко.

– Неплохая идея, – похвалила ее Вайолет. – Мы могли бы спать в недостроенной половине здания. Ночью никому не придет в голову идти туда.

– Спать там одним, в недостроенном помещении? – ужаснулся Клаус. – Там будет темно и холодно.

– Вряд ли намного хуже, чем в Сиротской лачуге в Пруфрокской школе, – возразила Вайолет.

– Данья, – добавила Солнышко, что означало «Или в спальне в доме Графа Олафа».

Клаус вздрогнул, припомнив то ужасное время, когда Граф Олаф был их опекуном.

– Вы правы, – сдался Клаус. Он остановился у двери с надписью «Хранилище документов». – В недостроенном крыле больницы хуже не будет.

Бодлеры постучали в дверь, которая почти мгновенно отворилась, и за ней обнаружился один из самых старых старичков, каких они встречали в своей жизни. На носу у него сидели самые маленькие очки, какие им доводилось видеть. Стеклышки были не крупнее горошины, и старичку пришлось сильно прищуриться, чтобы разглядеть детей.

– Зрение у меня уже не то, что раньше, – проговорил старичок, – но, кажется, вы – дети. И что-то в вас есть очень знакомое. Я уверен, что уже где-то видел ваши лица.

Бодлеры в панике переглянулись, не зная, броситься ли вон из комнаты или попытаться убедить старичка, что он ошибается.

– Мы – новые волонтеры, – сказала Вайолет. – Не думаю, чтобы мы встречались.

– Бэбс поручила нам работу в хранилище документов, – добавил Клаус.

– Что ж, вы попали куда надо. – Старичок сморщил личико в улыбке. – Меня зовут Хэл, я работаю в этом хранилище так много лет, что и считать неохота. Боюсь, что зрение у меня уже не то, вот я и попросил Бэбс прислать кого-нибудь из волонтеров на подмогу.

– Уолик, – сказала Солнышко.

– Сестра говорит, что мы с радостью вам поможем, – перевела Вайолет. – И это так и есть.

– Что ж, приятно слышать, – ответил Хэл. – Работы тут тьма. Входите, я объясню, что от вас требуется.

Бодлеры шагнули внутрь и очутились в маленькой комнате, где на маленьком столике стояла ваза со свежими фруктами.

– Это и есть хранилище? – удивился Клаус.

– Нет-нет, это проходная комната, здесь я держу фрукты. Если в течение дня проголодаетесь, берите, что захочется. И здесь же стоит динамик, на случай если Бэбс вздумает сделать объявление.

Старичок подвел их к небольшой двери и вытащил из кармана пиджака большую связку ключей – сотни ключей на веревочной петле, которые качались и тихонько звякали друг о друга. Хэл быстро нашел нужный ключ и отпер дверь.

– Вот и хранилище документов. – Он слегка улыбнулся.

Потом он провел детей в тускло освещенную комнату с очень низким потолком – настолько низким, что седые волосы Хэла почти касались его. Зато комната была громадная. Хранилище простиралось так далеко, что Бодлеры едва различали противоположную стену, равно как и правую, и левую. Они видели перед собой только большие металлические шкафы с выдвижными ящиками, на которых аккуратно наклеенные этикетки оповещали о содержащихся там документах. Ряды этих шкафов уходили вдаль, насколько хватал глаз. Проходы между ними были настолько узкими, что детям пришлось идти за Хэлом гуськом, пока он проводил экскурсию по комнате.

– всю эту систему придумал я, – сообщил он. – В хранилище документов содержится информация не только о больнице, но обо всем на свете – от поэзии до пилуль, от песен до пирамид и от пудинга до психологии. Мы сейчас как раз идем по проходу «П».

– Удивительное место, – сказал Клаус. – Сколько тут всего можно узнать, если прочесть все документы.

– Нет, нет, нет. – Хэл с суровым видом затряс головой. – Наше дело сортировать информацию, а не читать документы. Ни в коем случае не разрешаю вам трогать папки с информацией. Вы только расставляете по местам поступающие документы. Потому я и запираю все шкафы крепко-накрепко. Так, а теперь я покажу, где вы будете работать сегодня.

Хэл подвел их к дальней стене и показал на небольшое прямоугольное отверстие, в которое могла бы протиснуться разве что Солнышко или в крайнем случае Клаус. Рядом с дырой стояла корзина, а в ней – толстая пачка бумаг и чашечка со скрепками.

– Представители властей вкладывают бумаги с разной информацией в специальное окошко снаружи больницы, откуда по лотку они скатываются вниз, прямо сюда, – объяснил Хэл. – Мне требуются двое помощников, чтобы расставлять поступающие документы по своим местам. Делать вы должны следующее. Сперва отцепляете скрепки и кладете их в чашечку. Затем смотрите на поступившую информацию и соображаете, куда ее поместить. Помните, читать вы должны как можно меньше. – Он замолчал, раскрепил тоненькую пачку бумаг и, прищурившись, всмотрелся в верхнюю страницу. – Вот, например, – продолжал он, – достаточно прочесть первые несколько слов – и вы поймете, что речь тут идет о погоде на прошлой

неделе близ Дамокловой пристани, которая находится на берегу какого-то озера. Стало быть, вы просите меня отпереть шкафы в проходе «Д» (Дамоклова), или «П» (погода), или даже «О» (озеро). Выбирайте сами, куда класть.

– Но разве это не затруднит поиски нужной информации? – осведомился Клаус. – Ведь люди не будут знать, смотреть им на букву «Д», или на «П», или на «О».

– Значит, посмотрят на все три. Не всегда сразу ясно, где находится нужная информация. Помните, работа с документами – самое главное, что мы делаем в нашей больнице, так что ваша работа очень важна. Вы уверены, что сумеете правильно разложить бумаги? Я бы хотел, чтобы вы приступили к работе немедленно.

– Думаю, мы справимся, – ответила Вайолет. – А что будет делать третий волонтер?

Хэл на минуту замешкался с ответом, но потом приподнял кверху связку ключей.

– Я потерял несколько ключей от шкафов, – признался он. – Мне нужно что-то острое, чтобы открыть эти шкафы.

– Я! – выпалила Солнышко.

– Моя сестра имеет в виду, что эта задача как раз для нее – у нее очень острые зубы, – пояснила Вайолет.

– Твоя сестра? – Хэл поскреб голову. – Я почему-то знал, что вы родственники. Я уверен, что недавно где-то читал о вас.

Дети опять переглянулись, и в желудках у них затрепетало от волнения.

– Вы читаете «Дейли пунктилио»? – робко спросил Клаус.

– Конечно нет, – возмутился Хэл. – Это худшая газета из всех, которые мне известны. Почти все, что они печатают, – абсолютная ложь.

Бодлеры с облегчением улыбнулись.

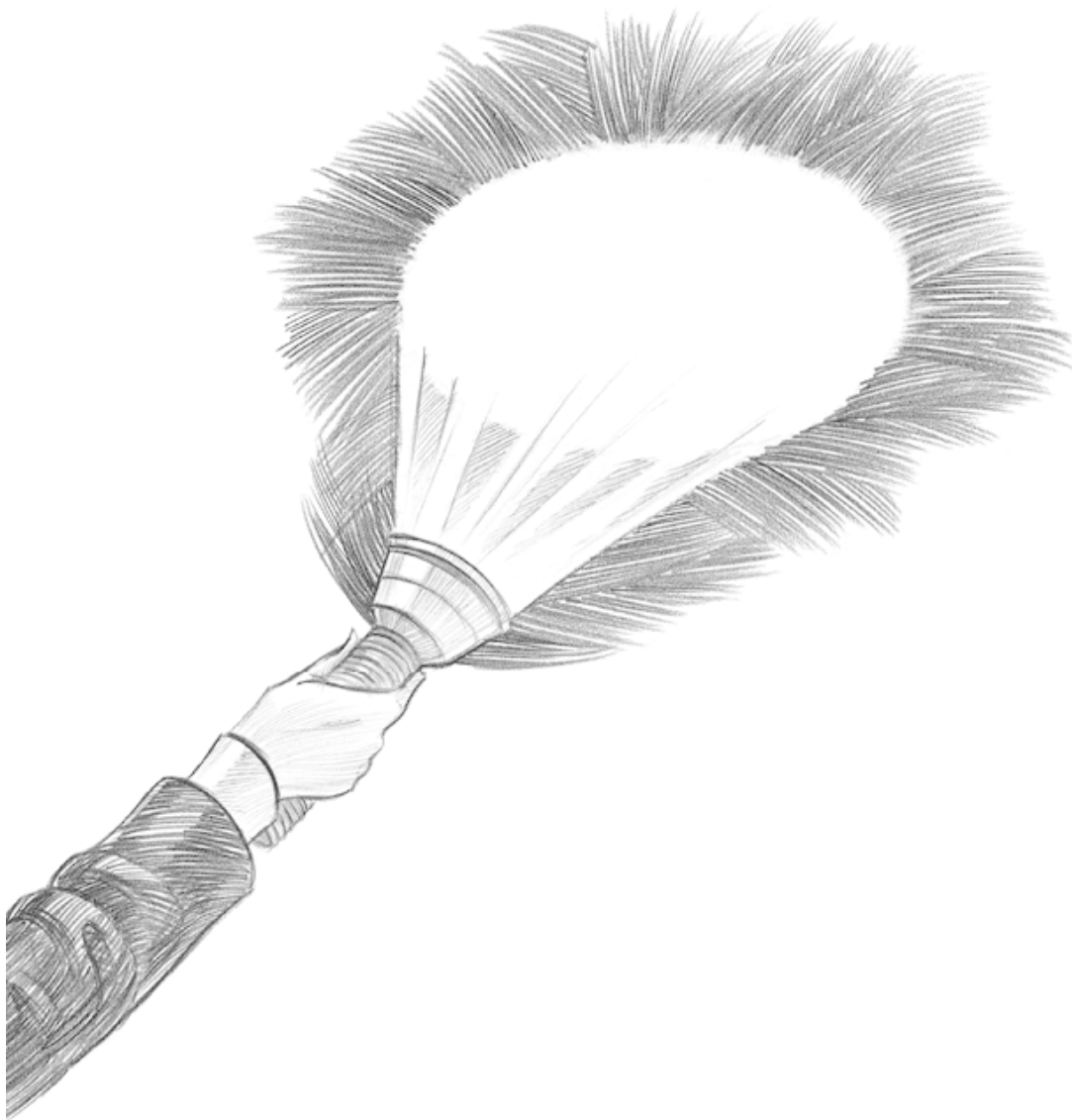
– Мы не можем передать вам, как рады это слышать, – сказала Вайолет. – Пожалуй, пора приступить к работе.

– Да-да, – отозвался Хэл. – Пойдем, малютка, я тебе покажу, какие шкафы не отпираются, а вы начинайте раскладывать бумаги. Хорошо бы все-таки вспомнить... – Голос Хэла замер, но он тут же щелкнул пальцами и улыбнулся.

Если вы, скажем, слушаете приятную музыку, то вполне можете щелкнуть пальцами и улыбнуться, показывая, что музыка обладает чарами, способными успокоить вашу взволнованную душу. Если вы работаете шпионом, то вполне можете щелкнуть пальцами и улыбнуться, передавая секретное сообщение с помощью кода, который состоит в щелчке и улыбке. Но вы также можете щелкнуть пальцами и улыбнуться, когда, промучившись в попытках что-то вспомнить, вы вдруг это вспоминаете. Хэл не слушал музыку в хранилище документов, и после девяти месяцев шести дней и четырнадцати часов проведенных мною расследований я с относительной уверенностью могу сказать, что Хэл не был шпионом. Стало быть, разумно сделать вывод, что он кое-что вспомнил.

– Я кое-что сейчас вспомнил. Я знаю, почему вы мне знакомы, – сказал Хэл, продолжая вести Солнышко по другому проходу, чтобы показать ей, где пригодятся ее зубы. Голос его долетал до старших Бодлеров, как будто он говорил в микрофон. – Я, разумеется, не прочел всю информацию, но я заметил кое-какие сведения о вас в досье о сникетовских пожарах.

Глава пятая

- ПРОСТО ничего не понимаю, – сказал Клаус, что говорил нечасто.
- Вайолет кивнула и произнесла фразу, которую тоже говорила не так-то часто.
- Боюсь, эту загадку нам не решить.
- Пиетрисикамоллавиадельрехиотемек-сити, – выговорила Солнышко.

Слово это она произнесла до сих пор только однажды. Значило оно нечто вроде «Должна признаться, я не имею ни малейшего понятия о том, что происходит». Первый раз младшая из Бодлеров произнесла его, когда ее только что принесли домой из родильного дома, где она появилась на свет, и она глядела на брата с сестрой, склонившихся над ее кроваткой. На сей раз она сидела в недостроенном крыле больницы, где работала, и глядела на брата с сестрой, которые пытались догадаться, что имел в виду Хэл, говоря о сникетовских пожарах. Если бы я находился с ними рядом, то рассказал бы им длинную и страшную историю о мужчинах и женщинах, которые вступили в когда-то благородную организацию, а в результате жизнь их

оказалась загублена алчным человеком и равнодушной к истине газетой. Но дети были совсем одни, и от той истории у них осталось лишь несколько страничек из квегмайровских записных книжек.

Наступил вечер, и бодлеровские сироты, проработавшие весь день в хранилище документов, постарались устроиться в недостроенной части больницы со всем возможным, я бы сказал, комфортом, если бы о комфорте вообще могла идти речь. Вайолет нашла несколько электрических фонариков, с помощью которых строители работали в темных углах, но, когда она приладила их так, чтобы осветить окружающее, они осветили лишь его неприглядность. Клаус подобрал несколько больших тряпок, которыми маляры прикрывали пол, чтобы не заляпать его краской, но когда он завернулся в них и закутал сестер, тряпки нисколько не спасали от безжалостно резкого ледяного ветра, задувавшего за пластикат, прибитый к доскам. Солнышко крошила зубами несколько фруктов из вазы Хэла, чтобы сделать на обед что-то вроде фруктового салата, но с каждой съеденной горстью нарезанных фруктов становилась нагляднее вся неуместность житья в таком неуютном уединенном месте. Но если детям было ясно, каким грязным, холодным и неподходящим было их новое жилье, то все остальное яснее не делалось.

– Мы хотели использовать хранилище документов для того, чтобы узнать побольше о Жак Сникете, – сказала Вайолет, – но, кажется, в результате узнаем больше только о самих себе. Как вы думаете, что написано про нас в досье, о котором упоминал Хэл?

– Не знаю, – отозвался Клаус. – Не думаю, чтобы и Хэл это знал. Он ведь сказал, что не читает бумаг.

– Сиирг, – произнесла Солнышко, что означало «Я побоялась его расспрашивать».

– Я тоже, – призналась Вайолет. – Нам нельзя привлекать к себе внимание. В любой момент Хэл может узнать, что нас разыскивают как убийц, и нас потащат в тюрьму, прежде чем мы успеем что-нибудь разведать.

– Один раз мы выбрались из тюремной камеры, – заметил Клаус, – но вряд ли это получится снова.

– Я подумала, если нам удастся просмотреть страницы из записных книжек Дункана и Айседоры, – сказала Вайолет, – мы найдем там ответы на наши вопросы. Только записи их очень трудно разобрать.

Клаус нахмурился и повертел туда-сюда обрывки страниц, как будто складывал кусочки головоломки.

– Гарпун разорвал их в клочья, – сказал он. – Послушайте, что пишет Дункан: «Жак Сникет работал в Г. П. В., что означает Группа...», а дальше на середине фразы разорвано.

– А на этой странице, – подхватила Вайолет, беря в руки страничку, о которой я даже и думать не хочу, – написано:

И перед объективом, и перед толпой
Предпочитает Сникет всегда стоять спиной.

Видите – рифмованное двестишье, наверное, его написала Айседора.

– А на этом клочке стоит «квартира», – продолжал Клаус, – и еще изображено что-то вроде половины карты. Возможно, речь идет о квартире, где мы жили у Джерома и Эсме Сквор.

– Не напоминай. – Вайолет содрогнулась при мысли о всех злоключениях, пережитых в доме № 667 на Мрачном проспекте.

– Рабейв. – Солнышко показала еще на один обрывок.

– Тут два имени, – подтвердила Вайолет. – Одно – Аль Фонкут.

– Это который написал ту противную пьесу, в которой Граф Олаф заставил нас участвовать, – напомнил Клаус.

– Да, знаю, но второе имя мне незнакомо: Ана Грамма.

– Ну, раз Квегмайры расследовали злодейский умысел Графа Олафа, это может быть кто-то из его помощников.

– Вряд ли крюкастый, – усомнилась Вайолет, – и не лысый с длинным носом. Ана – не мужское имя.

– Может, оно принадлежит одной из напудренных женщин, – предположил Клаус.

– Орландо!⁶ – выкрикнула Солнышко, что означало «Или тот, который не то мужчина, не то женщина».

– Или кто-то, кого мы еще не встречали. – Вайолет вздохнула и перешла к следующему листку. – Эта страница цела, но тут только длинный список дат. Получается, как будто нечто происходило каждые три месяца.

Клаус взял самый маленький обрывок и показал сестрам. Глаза его за стеклами очков сделались очень грустными.

– Здесь стоит только одно слово: «пожар», – произнес он тихо, и все трое Бодлеров повесили головы. С каждым словом у людей что-то связано, то есть у них возникает подсознательная ассоциация, а попросту говоря, определенные слова заставляют вас думать о каких-то определенных вещах, даже если вам этого не хочется. Так, слово «пирог» вызывает в памяти ваш день рождения. А слова «тюремный надзиратель» могут напомнить о человеке, которого вам давно уже не приходилось видеть. Слово «Беатрис» вызывает в моей памяти волонтерскую организацию, которая погрязла в коррупции, а слово «полночь» напоминает мне о том, что я должен побыстрее писать эту главу, пока я не утонул. У Бодлеров было множество подсознательных ассоциаций со словом «пожар», и все до одной неприятные. Слово это навело детей на мысль о Хэле, который упоминал про сникетовские пожары, когда они днем работали в хранилище документов. Слово «пожар» напомнило им также о Дункане и Айседоре Квегмайр, чьи родители и брат Куигли погибли во время пожара. И конечно же, слово «пожар» вызвало в их памяти пожар, который уничтожил их дом и с которого начались злополучные странствия, приведшие их в недостроенное крыло больницы. Дети сидели, прижавшись друг к другу, закутанные в тряпье, и думали обо всех пожарах в их жизни и обо всем, что рождало подсознательные ассоциации, и чувствовали, как холод сковывает их снаружи и изнутри.

– В том досье должны содержаться ответы на все загадки, – сказала наконец Вайолет. – Необходимо выяснить, кем был Жак Сникет и почему у него была такая же татуировка, как у Графа Олафа.

– И почему его убили, – добавил Клаус, – и еще раскрыть тайну букв «Г. П. В.».

– Мы! – сказала Солнышко, что значило «И надо узнать, почему в досье есть наша фотография».

– Мы должны найти это досье, – заключила Вайолет.

– Сказать легче, чем сделать, – возразил Клаус. – Хэл специально нас предупредил, чтобы мы не трогали бумаг, с которыми не работаем, а он все время рядом с нами в хранилище.

– Значит, надо придумать какой-то способ, – заключила Вайолет. – А сейчас постараемся выспаться как следует, чтобы утром встать бодрыми и попробовать завладеть документом «Сникетовские пожары».

Клаус и Солнышко кивнули и постарались устроить из тряпок подобие постели, Вайолет погасила один за другим фонарики, и трое Бодлеров проспали, прижавшись друг к другу, остальную часть ночи, насколько это было возможно на грязном полу, под порывами холодного ветра, продувавшего их столь неподходящее жилье. Утром они позавтракали остатками фруктового салата, перешли в достроенную половину здания, осторожно спустились по бесконечным ступеням мимо динамиков и запутанных планов, и, когда добрались до хранилища, Хэл

⁶ Персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», где девушка переодевается юношей.

был уже там и отпирает шкафы ключами из своей большой связки. Вайолет с Клаусом тут же принялись раскладывать информацию, которая поступила ночью через лоток, а Солнышко тут же пустила в ход зубы, обратив внимание на те шкафы, которые следовало открыть. Но мысли Бодлеров были сосредоточены не на сортировке разных документов, не на запертых шкафах с разными папками, а на одном-единственном досье.

Почти ко всему на свете применимо выражение «легче сказать, чем сделать», ко всему, кроме «Клара украла у Карла кларнет», – это сделать легче, чем сказать. Но каждый раз, как жизнь напоминает вам, что легче сказать, чем сделать, вас это огорчает. Водворя бумагу, содержащую информацию о каракатице, в шкаф под буквой «М» (моллюски), Вайолет сказала себе: «Сейчас я пройду по проходу „С“ и посмотрю Сникета», но Хэл был уже тут как тут, стоял в проходе «С» и расставлял изображения собачьих ошейников, и Вайолет не удалось сделать то, что она собиралась. Убирая перечень наперстков разного типа в шкаф под буквой «П» (предохранение пальцев), Клаус сказал себе: «Сейчас пойду по проходу „П“ и поищу „пожары“». Но к этому времени Хэл тоже успел перейти туда и отпирает шкаф, чтобы привести в порядок биографии знаменитых польских поваров. Солнышко же, орудуя зубами, чтобы открыть один из запертых шкафов в проходе «Б», в то же время думала, не здесь ли находится нужный им документ на букву «Б» (Бодлеры). Но когда наконец после ланча замок был сломан и младшая из Бодлеров открыла дверцу, она увидела, что шкаф абсолютно пуст.

– Ноль, – сказала она, когда дети собрались в проходной комнате на короткий фруктовый перерыв.

– У меня тоже, – сказал Клаус. – Да и как тут завладеешь документом, когда Хэл вечно торчит рядом.

– Может, нам просто попросить его самого найти для нас досье? – предложила Вайолет. – В обыкновенной библиотеке нам помог бы библиотекарь, а в хранилище документов, вероятно, следует просить Хэла.

– Спрашивайте у меня что угодно, – сказал Хэл, открывая дверь в проходную комнату, – но сперва я у вас кое-что спрошу. – Он подошел поближе и ткнул пальцем в один из фруктов. – Это слива или хурма? Зрение у меня, боюсь, уже не то, что прежде.

– Слива, – ответила, подавая ему сливу, Вайолет.

– А-а, прекрасно. – Хэл оглядел сливу, проверяя, нет ли пятен. – Я как раз не в настроении есть хурму. Так в чем состоит ваш вопрос?

– Нас интересует один документ, – осторожно начал Клаус, не желая вызвать у Хэла подозрения. – Я знаю, что документы читать не полагается, но, если нам это очень нужно, нельзя ли сделать исключение?

Хэл откусил кусочек сливы и нахмурился:

– Зачем вам читать именно этот документ? Дети должны читать веселые книжки с яркими картинками, а не официальную информацию из хранилища документов.

– Но нам нужна именно официальная информация, – вмешалась Вайолет, – а мы так заняты раскладыванием бумаг, что не успеваем их читать. Поэтому мы и надеялись взять одну из них с собой и почитать дома.

Хэл покачал головой.

– Канцелярская работа – самое важное, что мы делаем в нашей больнице, – сурово ответил он. – Вот почему бумаги разрешено выносить из хранилища только по особо важным причинам. Например...

Но Бодлерам не суждено было узнать, какой пример собирался привести Хэл, – его прервал голос, шедший из динамика.

– Внимание! – произнес голос, и дети повернули головы к маленькому квадратному ящичку. – Внимание! Внимание!

Трое детей, испуганные и потрясенные, уставились друг на друга, а потом на стену, где висел динамик. Это не был голос Бэбс. Он был неясный и к тому же скрипучий, но он не был голосом зава человеческими ресурсами. Этот голос Бодлеры слышали везде, где бы ни оказывались, независимо от того, где они жили и кто пытался их защитить. И хотя дети слышали его много-много раз, они все равно не могли привыкнуть к его издевательским интонациям. Казалось, будто обладатель голоса рассказывает шутку, последняя реплика в которой до ужаса жестока.

– Внимание! – произнес тот же голос, но сиротам не нужно было напоминать о внимании, когда они слышали гадкий голос Графа Олафа. – Бэбс ушла в отставку, – сказал голос, и дети так и видели перед собой бессердечную улыбку, какая всегда появлялась на лице Олафа, когда он лгал. – Она решила заняться спортивными прыжками и начала с прыжков из окон. Меня зовут Маттатиас, и теперь я тут босс и зав человеческими ресурсами. Я провожу полную ревизию всех до единого служащих больницы и начинаю прямо сейчас. На этом все.

– Ревизия! – хмыкнул Хэл, доедая сливу. – Чепуха какая. Лучше бы закончили строить другую половину здания, чем зря время на ревизии тратить.

– В чем состоит ревизия? – спросила Вайолет.

– Да являются и разглядывают вас, – пренебрежительно сказал Хэл и отправился назад в хранилище. – Давайте-ка вернемся к работе. Надо расставить уйму информации.

– Сейчас идем, – пообещал Клаус. – Я еще не закончил есть яблоко.

– Хорошо, только поскорей.

Как только Хэл покинул комнату, Бодлеры с тревогой и испугом воззрились друг на друга.

– Он снова нас разыскал, – тихонько, чтобы не расслышал Хэл, произнесла Вайолет. Она почти не слышала своих слов, так громко стучало у нее от страха сердце.

– Видимо, он знает, что мы здесь, – согласился Клаус. – Поэтому и проводит ревизию – чтобы нас найти и захватить.

– Сказать! – выпалила Солнышко.

– Кому же мы скажем? – отозвался Клаус. – Все считают, что Графа Олафа нет в живых. Они не поверят трем детям, если те заявят, что он замаскировался Маттатиасом, новым завом человеческими ресурсами.

– В особенности если их фотографии помещены на первой странице «Дейли пунктилио» и к тому же они разыскиваются за убийство, – добавила Вайолет. – Нет, наш единственный шанс – раздобыть сникетовское досье и посмотреть, нет ли там фактов, позволяющих привлечь Олафа к суду.

– Но бумаги из хранилища выносить нельзя, – напомнил Клаус.

– Значит, мы их прочтем прямо здесь.

– Это легче сказать, чем сделать, – заметил Клаус. – Мы даже не знаем, под какой буквой его искать, а Хэл будет с нами весь день.

– Ночь! – выпалила Солнышко.

– Правильно, Солнышко, – похвалила ее Вайолет. – Хэл проводит тут весь день, но на ночь уходит домой. Когда стемнеет, мы прокрадемся сюда из недостроенного крыла. Это единственный способ раздобыть досье.

– Ты кое-что забываешь, – остановил ее Клаус. – Хранилище документов на ночь закрывается крепко-накрепко. Хэл, как ты помнишь, сам запирает все шкафы.

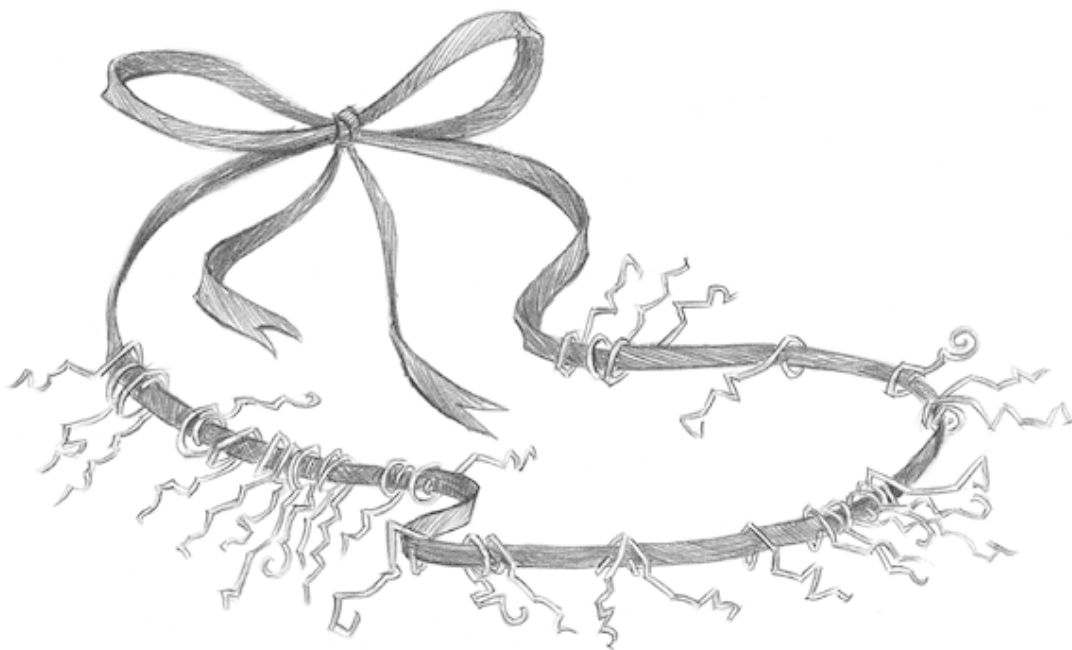
– Я об этом не подумала, – призналась Вайолет. – Одну отмычку я могу изобрести, но не уверена, что у меня хватит времени изобрести отмычки ко всем шкафам.

– Дишью! – проговорила Солнышко, желая сказать нечто вроде «А у меня уходит несколько часов на то, чтобы открыть зубами один шкаф!» – Без ключей нам документа не добыть, – подытожил Клаус, – а без него не победить Графа Олафа. Что же нам делать?

Дети вздохнули и глубоко задумались, глядя прямо перед собой. И пока они так глядели, они увидели предмет, который подал им идею. Предмет был маленький, круглый, с яркой блестящей кожицей, и дети поняли, что это хурма. Но они знали: если у кого-то зрение уже не то, что прежде, он может принять хурму за сливу. Бодлеровские сироты сидели и смотрели на хурму, и у них созрел план, как обмануть кое-кого, чтобы он принял одну вещь за другую.

Глава шестая

ЭТО не рассказ о Лемони Сникете. Бессмысленно рассказывать сникетовскую историю, поскольку происходило все очень давно и никто уже не может ничего изменить. Поэтому единственной причиной моих, я бы сказал, записей на полях может служить желание сделать книгу еще более невыносимой, жуткой и неправдоподобной, чем она уже есть. Нет, это рассказ о Вайолет, Клаусе и Солнышке Бодлер и о том, как они нашли кое-что в больничном хранилище документов, что полностью перевернуло их жизнь и до сих пор вызывает у меня мурашки, когда я остаюсь ночью один ТОЧКА. Но если бы в книге речь шла обо мне, а не о трех детях, которым скоро встретится некто, кого они надеялись больше никогда не видеть, я бы задержался на минуту и поведал вам о поступке, совершенном мною много лет назад, но до сих пор тревожащем мою совесть. Сделать это было необходимо, но это был некрасивый поступок, и даже теперь, стоит мне только вспомнить о нем, внутри у меня все сжимается от стыда. Я могу в этот момент чем-то наслаждаться – гулять по верхней палубе судна, или любоваться в телескоп северным сиянием (*aurora borealis*), или входить в книжный магазин и ставить написанные мною книжки на самую верхнюю полку, чтобы никто не соблазнился купить и прочесть их, но неожиданно я вспоминаю о том давнем поступке и задаю себе вопрос: «Было ли это действительно необходимо? Было ли абсолютно необходимо красть у Эсме Скволор сахарницу?»

Похожие муки совести испытывали и бодлеровские сироты в тот вечер, когда заканчивали дневную работу в хранилище. Каждый раз, как Вайолет ставила какой-то документ на соответствующее место, она трогала свою ленту в кармане и ощущала трепет в желудке при мысли о том, что затевают они с братом и сестрой. Клаус вынимал стопку бумаг из корзины, стоявшей перед лотком, по которому поступала информация, но вместо того чтобы снять скрепки и положить их в чашечку, он сжимал их в руке, ощущая трепет в желудке при мысли о штуке, которую он и сестры собираются сыграть с Хэлом. Едва Хэл поворачивался к детям спиной, Клаус передавал скрепки Солнышку. Младшая из Бодлеров тоже начинала ощущать трепет при мысли о нечестном способе, с помощью которого они собирались возвратиться в

хранилище ночью. К тому времени как Хэл начал запирать на ночь шкафы ключами, висевшими у него на длинной петле, у троих Бодлеров уже накопилось в желудке столько трепета, что им впору было бы участвовать в Фестивале трепетных желудков, если бы таковой состоялся в округе в тот день.

– Абсолютно необходимо это делать? – тихо спросила Вайолет, обращаясь к Клаусу, когда все трое выходили вслед за Хэлом из хранилища в проходную комнату. Вайолет достала из кармана ленту и хорошенько разгладила ее, чтобы не было узлов. – Это некрасивый поступок.

– Знаю, – ответил Клаус и протянул руку, чтобы Солнышко отдала ему скрепки. – У меня в желудке все дрожит, когда я думаю об этом. Но это единственный способ заполучить досье.

– Олаф, – мрачно проговорила Солнышко. Она хотела сказать «Раньше, чем Маттатиас заполучит нас». И едва она закончила фразу, как в динамике раздался скрипучий голос Маттатиаса.

– Внимание! Внимание! – произнес голос, и Хэл с Бодлерами устремили взгляды на квадратный ящик. – Говорит Маттатиас, новый зав человеческими ресурсами. Инспекции на сегодня закончены, но продолжатся завтра.

– Какая чепуха, – пробормотал Хэл, кладя на стол связку ключей, Бодлеры посмотрели друг на друга, а потом на ключи.

Маттатиас тем временем продолжал:

– Кроме того, если у кого-то в больнице имеются ценные вещи, попрошу принести их в кабинет зава человеческими ресурсами на хранение. Спасибо.

– Моя ценная вещь – очки. – Хэл снял с носа очки. – Но я не собираюсь их туда относить. Чего доброго, я их тогда вообще больше не увижу.

– Да, вполне возможно, – Вайолет покачала головой, дивясь такой наглости со стороны Маттатиаса, иначе говоря – «попытке украсть ценные вещи у работников больницы в дополнение к бодлеровскому наследству».

– И потом, – Хэл улыбнулся детям и потянулся за пальто, – никто не собирается у меня ничего красть. Вы единственные, кого я вижу в больнице, и я вам полностью доверяю. Да, где же мои ключи?

– Вот они, – сказала Вайолет, и трепет у нее в желудке усилился.

Она протянула ему свою ленту, которая теперь была завязана петлей, чтобы напоминать веревочную. С ленты свисали многочисленные скрепки, которым Солнышко, когда Хэл на нее не смотрел, успела придать разную форму, пустив в ход острые зубы. Получилось нечто похожее на хэловскую связку ключей, правда в той же мере, в какой лошадь похожа на корову или женщина в зеленом платье на сосну. Вряд ли кто-нибудь, взглянув на ленту с прицепленными к ней изжеванными металлическими скрепками, принял бы их за связку ключей – разве что зрение у него было уже не то, что прежде. Дети ждали, пока Хэл, прищурившись, рассматривал то, что держала перед ним Вайолет.

– Это мои ключи? – с сомнением спросил Хэл. – Мне казалось, я их клал на стол.

– Нет-нет, – быстро ответил Клаус, заслонив собой стол, чтобы Хэл не заметил настоящих ключей, – они у Вайолет.

– Вот они, – проговорила Вайолет, то приближая связку, то отодвигая, чтобы Хэлу было еще труднее разглядывать их. – Давайте я положу их прямо вам в карман?

– Спасибо, – сказал Хэл, когда Вайолет опустила связку в карман его пальто. Он поглядел на Бодлеров, в его глазках светилась благодарность. – Вот вы и снова помогли мне. Зрение мое, знаете ли, уже не то, что прежде, я рад, что могу довериться таким милым волонтерам. Доброй ночи, детки. Увидимся завтра.

– Доброй ночи, Хэл, – отозвался Клаус. – Мы тут съедим еще по фрукту.

– Не испортите себе аппетит перед обедом, – посоветовал Хэл. – Сегодня ожидается холодный вечер, не сомневаюсь, ваши родители приготовили вкусный горячий ужин.

Хэл с улыбкой закрыл за собой дверь, и дети остались одни, со связкой настоящих ключей от хранилища документов. Ощущение трепета в желудках не проходило.

– Когда-нибудь, – тихо проговорила Вайолет, – мы извинимся перед Хэлом за то, что сыграли с ним такую шутку, и объясним, почему нарушили правила. Мы поступили некрасиво, хотя это и было необходимо.

– И съездим в лавку «Последний шанс», – подхватил Клаус, – и объясним хозяину, почему нам пришлось убежать.

– Твисп, – твердо сказала Солнышко, что означало «Но не раньше, чем заполучим документ, раскроем все тайны и докажем нашу невиновность».

– Ты права, Солнышко, – со вздохом согласилась Вайолет. – Давайте начнем. Клаус, попробуй подобрать ключ к двери в хранилище.

Клаус кивнул и пошел с ключами к двери. Не очень давно, когда Бодлеры жили у Тети Жозефины на берегах озера Лакримозе, Клаус оказался в ситуации, когда ему пришлось в страшной спешке подбирать ключ к запертой двери. И с тех пор он очень преуспел в этом деле. Клаус взглянул на замок, скважина которого была очень узкой, потом на связку ключей, на которой имелся один узкий ключ, – и вот дети уже стояли в хранилище и всматривались в полутемные проходы между шкафами.

– Я запру дверь изнутри, – сказал Клаус. – На тот случай, чтобы никто ничего не заподозрил, если вдруг войдет в проходную комнату.

– Например, Маттатиас, – содрогнувшись, проговорила Вайолет. – В микрофон он сказал, что на сегодня прекращает инспекцию, но я уверена, что на самом деле он все еще рыщет по больнице.

– Вейпи, – заметила Солнышко, что означало «Тогда поторопимся».

– Начнем с прохода «С», – предложила Вайолет. – Со Сникета.

– Правильно. – И Клаус запер дверь.

Найдя проход «С», дети двинулись вдоль шкафов, читая наклеенные на них этикетки, чтобы понять, который надо отпереть.

– Саксифраге⁷ тире сауна, – прочел вслух Клаус. – Это значит, что слова, находящиеся по алфавиту между «саксифраге» и «сауной», стоят в этом шкафу. Это бы подходило, если бы нам был нужен «самолет» или «саркофаг».

– Или «саранча», – подхватила Вайолет. – Пошли дальше.

Дети двинулись дальше. Звук шагов отдавался от низких потолков.

– Сказка тире скарабей⁸, – прочел Клаус. Солнышко и Вайолет помотали головой, и все трое пошли дальше.

– Седло тире секретарь, – прочла Вайолет. – Никак не дойти.

– Калм, – проговорила Солнышко, что означало «Я читаю неважно, но, по-моему, тут написано „секвойя“ и „селезенка“».

– Молодец, Солнышко, – Клаус одобрительно улыбнулся. – Опять не то, что надо.

– Сентиментальность тире сердцебиение, – прочла Вайолет.

– Сердцеед тире серебро, – прочел Клаус, идя дальше по проходу.

– Сигнализация тире силуэт.

– Симпатия тире синяк.

– Скамья тире скиталец.

– Слава тире смеркаться.

– Снадобье тире снисхождение.

– Сновидение тире собрание.

⁷ Род хвойных.

⁸ Род жуков-навозников, обитают на юге Европы, в Средней Азии и Северной Африке.

– Сонет тире специальность.

– Стой! – закричал Клаус. – Мы проскочили! «Сникет» должен быть между «снадобьем» и «снисхождением».

– Ты прав. – Вайолет вернулась назад. – Меня совсем запутали все эти трудные слова. Я даже забыла, что мы ищем. Вот: «снадобье – снисхождение». Будем надеяться, что досье находится здесь.

Клаус осмотрел замок и уже с третьей попытки подобрал к нему ключ из связки.

– Он должен быть в нижнем ящике, – сказал Клаус, – ближе к «снисхождению». Сейчас посмотрим.

Бодлеры посмотрели. Слово «снисхождение» означает «сжалиться над кем-нибудь, не наказывать слишком жестоко». По соседству есть сколько угодно слов в алфавитном порядке, и дети нашли их в большом количестве. Тут было слово «снимать», имевшее не одно значение – и брать внаем, и сдирать, и фотографировать. Тут был закон Снелля, который гласит, что луч света, проходящий из одной однородной среды в другую, имеет постоянное соотношение между синусом угла падения и синусом угла преломления. И Клаус это уже знал. Имелась информация об изобретателе сникерсов, которого Вайолет очень уважала. Но они не нашли ни одной бумаги со словом «Сникет». Дети, разочарованные, вздохнули, задвинули ящик, и Клаус запер шкаф.

– Попробуем проход под буквой «Ж» – Жак, – предложила Вайолет.

– Ш-ш-ш, – прошипела Солнышко.

– Нет, Солнышко, – мягко возразил Клаус. – Я не думаю, что нам подходит буква «Ш». С какой стати Хэл держал бы Жака Сникета под буквой «Ш»?

– Ш-ш-ш, – продолжала настаивать Солнышко, показывая при этом на дверь. И тогда старшие Бодлеры сразу сообразили, что неправильно ее поняли. В другой раз Солнышко, говоря «ш-ш-ш», могла иметь в виду нечто вроде «Я думаю, стоит поискать нужный нам документ в проходе „Ш“». Но тут она, скорее, хотела сказать: «Тихо. По-моему, кто-то входит в проходную комнату хранилища документов».

И впрямь – Бодлеры замерли и услышали какие-то странные цокающие шажки, как будто кто-то ступал на очень тонких ходулях. Шаги приближались, приближались, затем прекратились. Дети затаили дыхание и услышали, что дверь в хранилище затряслась, словно кто-то пытался ее открыть.

– Может, это Хэл, – прошептала Вайолет. – Пытается отпереть дверь скрепкой.

– А может быть, Маттатиас, – шепнул Клаус. – Ищет нас.

– Сторож, – прошептала Солнышко.

– Не важно, – сказала Вайолет, – кто бы он ни был, скорее бежим к проходу «Ж».

Бодлеры на цыпочках прокрались к проходу «Ж» и быстро пошли по нему, читая этикетки на шкафах.

– Жабо⁹ тире жаворонок.

– Жадность тире жажда.

– Это тут! – прошептал Клаус. – «Жак» должен быть рядом с «жакерией»¹⁰ и «жалюзи».

– Будем надеяться, – проговорила Вайолет.

Дверь опять затряслась. Клаус поспешил выбрать ключ из связки и отпереть шкаф. Дети выдвинули верхний ящик в поисках слова «Жак». Насколько знала Вайолет, «жалюзи» означало шторы из пластинок на окнах. А «жакерия», насколько знал Клаус, означала крестьянские восстания во Франции в 1358 году. И опять-таки между этими словами нашлось еще много

⁹ Кружевные или кисейные оборки у горла или на груди на женском платье и на мужских рубашках.

¹⁰ «Жакерия» происходит от слова «Жак». Так французские аристократы презрительно называли крестьян.

информации о Жаккаре, банкире Наполеона III, о говорящем попугае жако из лесов Экваториальной Африки, о жакете – короткой верхней женской одежде в талию, но Жака там не было.

– «Пожар»! – шепнул Клаус, закрывая и запирая шкаф. – Бежим к проходу «П»!

– И поскорее, – добавила Вайолет. – Похоже, кто-то пытается взломать замок.

И правда. Бодлеры на миг замерли и услышали негромкое царапанье в той стороне, где находилась дверь, как будто в скважину засунули что-то длинное и тонкое и пытаются отомкнуть замок. Вайолет знала еще с той поры, как они жили у Дяди Монти, что работа с отмычкой занимает довольно много времени, даже когда она сделана одним из лучших в мире изобретателей. Тем не менее дети постарались быстро, насколько это возможно на цыпочках, перебежать в проход «П».

– Пакость тире палаццо¹¹.

– Памятник тире паника.

– Парис¹² тире патология¹³.

– Пейзаж тире перчатки.

– Пищик тире Последний день Помпеи¹⁴.

– Здесь!

И опять Бодлеры подобрали соответствующий ключ, а потом соответствующий ящик и затем соответствующую папку. Что касается картины «Последний день Помпеи», то художник имел в виду извержение Везувия, в результате которого город Помпеи¹⁵ оказался погребен под пеплом и лавой. Пищик – это такая дудочка, с помощью которой охотники приманивают птиц, и визгливый звук, раздававшийся за дверью, очень походил на писк дудочки. Дети лихорадочно искали слово «пожар», но между «пищиком» и «Последним днем Помпеи» не было ничего, имеющего отношение к пожару.

– Что нам делать? – спросила Вайолет, в то время как дверь опять затрясли. – Где еще он может стоять?

– Давайте подумаем, – сказал Клаус. – Что говорил Хэл про досье? Мы знаем, что оно касается Жака Сникета и пожара.

– Прем! – высказалась Солнышко. Означало это «Но мы уже смотрели на Сникета, на Жака и на Пожар».

– Должно быть что-то еще, – проговорила Вайолет. – Мы должны найти этот документ. В нем наверняка содержится важнейшая информация о Жаке Сникете и Г. П. В.

– И о нас, – добавил Клаус. – Не забывайте об этом.

Дети уставились друг на друга.

– Бодлеры! – прошептала Солнышко.

Без дальнейших разговоров сироты бросились к проходу «Б», пробежали мимо шкафа «бабочка – Бавария», «бактерия – балет» и «бамбук – Баскервиль»¹⁶, остановились около «бат-мицва – борщ». Пока от дверей шел визжащий звук, Клаус перепробовал девять ключей, прежде чем отпер шкаф, и там, между еврейской церемонией совершеннолетия девочек и вкусным русским супом, дети нашли папку, помеченную «Бодлеры».

– Здесь, – сказал Клаус, вынимая ее из ящика трясущимися руками.

– Что там? Что там говорится? – в возбуждении спрашивала его Вайолет.

– Смотрите, – сказал Клаус, – снаружи есть примечание.

¹¹ Дворец (*ит.*).

¹² Один из героев «Илиады» легендарного древнегреческого поэта Гомера.

¹³ Ненормальность.

¹⁴ Имеется в виду картина Карла Брюллова.

¹⁵ Помпеи – современное название города.

¹⁶ Фамилия взята из повести Конан Дойла «Собака Баскервиль».

– Читай, – с отчаянием прошептала Солнышко, потому что дверь начала страшно сотрясаться на петлях. Видимо, попытки стоявшего за дверью потерпели неудачу.

Клаус приподнял папку повыше, чтобы прочесть при тусклом освещении: «Все тринадцать страниц сникетовского досье забраны из хранилища документов для официального расследования». Клаус поднял голову, и сквозь стекла его очков сестры увидели слезы.

– Вот когда, наверное, Хэл видел наши фотографии – когда вынимал документы и отдавал их для официального расследования. – Клаус уронил папку на пол и в полном отчаянии сел рядом. – Тут ничего нет.

– Нет есть! – возразила Вайолет. – Глядите!

Бодлеры посмотрели на раскрывшуюся папку и увидели один-единственный листок.

– Страница тринадцать, – продолжала Вайолет, глядя на цифру, напечатанную в углу страницы. – Ее, наверное, не взяли случайно.

– Вот почему так важно скреплять бумаги, объединенные общей темой, даже когда складываешь их в одну папку, – сказал Клаус. – Но что там написано?

Раздалось продолжительное «кря-а-ак», и дверь хранилища с громким «бум» слетела с петель и, словно в обмороке, грохнулась на пол огромной комнаты. Однако дети не обратили на это ни малейшего внимания. Вайолет, Клаус и Солнышко сидели и глядели на тринадцатую страницу досье, пораженные увиденным до такой степени, что даже не прислушивались к странным неровным шажкам, – вторгшийся в комнату уже шел по проходам вдоль шкафов.

Тринадцатая страница бодлеровского досье не изобиловала информацией: одна фотография, прикрепленная скрепкой, и над ней надпись, напечатанная на машинке. Но порой достаточно одной фотографии и одной фразы, чтобы автор этой книги плакал, пока не уснул, годы спустя после того, как был сделан снимок. Или чтобы трое детей сидели и безотрывно глядели на страницу, как будто на ней была напечатана целая книга.

На снимке четверо людей стояли перед зданием, которое Бодлеры узнали мгновенно. Это был дом № 667 по Мрачному проспекту, где они короткое время жили у Джерома и Эсме Скволор, пока дом не сделался еще одним ненадежным пристанищем, в котором оставаться стало опасно. Первым на снимке был Жак Сникет, он смотрел на фотографа и улыбался. Рядом, отвернувшись от камеры, стоял мужчина – лица его не было видно, только одна из рук, в которой он сжимал блокнот и перо, как будто был писателем или журналистом. Дети не видели Жака Сникета с тех пор, как он умер, а писателя, судя по всему, не видели никогда. Но рядом с этими двумя людьми стояли еще двое, кого дети не чаяли больше видеть. Упрятанные в длинные пальто, замерзшие, но со счастливыми лицами стояли родители Бодлер.

«Основываясь на фактах, обсуждаемых на странице девять, – гласила надпись над снимком, – эксперты подозревают, что в пожаре, скорее всего, уцелел один человек, однако местонахождение оставшегося в живых неизвестно».

Глава седьмая

– ВОТ уж не думала, что доживу до этого дня, – проговорила Вайолет и опять устремила взгляд на тринадцатую страницу.

Родители Бодлер тоже глядели на нее, и ей на миг показалось, что сейчас отец выступит из фотографии и скажет: «Привет, Эд. Ты где была?» Эд – сокращение от Томаса Алвы Эдисона, одного из величайших изобретателей всех времен, и Эдом называл Вайолет только отец. Но на снимке он, конечно, не шевельнулся, а только стоял и улыбался перед домом № 667 по Мрачному проспекту.

– Я тоже, – сказал Клаус, – не думал, что мы еще увидим наших родителей.

Он взглянул в мамино пальто. Во внутреннем кармане мама обычно держала карманный словарь и доставала всякий раз, как ей встречалось незнакомое слово. Поскольку Клаус был великий любитель чтения, мама пообещала когда-нибудь отдать ему словарь, и сейчас ему показалось, что мама вот-вот сунет руку во внутренний карман пальто и протянет ему маленькую книжечку в кожаном переплете.

– И я тоже, – повторила за ними Солнышко.

Она смотрела на улыбающихся родителей, и ей вдруг вспомнилась, впервые со дня пожара, песенка, которую мама с отцом пели вместе, когда Солнышку приходило время ложиться спать. Песня называлась «Мясник»¹⁷, и родители пели ее поочередно, мама высоким голосом с придыханием, а отец низким и глубоким, как паровозная сирена. Песня как нельзя лучше убаюкивала Солнышко, и ей было уютно и не страшно в своей детской кроватке.

– Наверно, фотография сделана давно, – заметила Вайолет. – Смотрите, какие они тут молодые. Даже еще без обручальных колец.

«На основании фактов, обсуждаемых на странице девять, – снова вслух прочел Клаус фразу, напечатанную над фотографией, – эксперты подозревают, что в пожаре, скорее всего, уцелел один человек, однако местонахождение оставшегося в живых неизвестно». Клаус остановился и посмотрел на сестер.

– Что это значит? – спросил он еле слышным голосом. – Кто-то из наших родителей жив?

– Так-так-так! – раздался знакомый издевательский голос, и дети услышали, как странные неровные шажки направляются прямо к ним. – Смотрите, кто тут у нас!

Бодлеровские сироты настолько были ошарашены своей находкой, что совсем забыли про неизвестную личность, которая взломала замок в хранилище документов. И теперь, подняв головы, они увидели высокую тощую фигуру, идущую по проходу «Б» ТОЧКА. Эту особу они видели совсем недавно и надеялись никогда больше не увидеть. Можно дать разные определения этой особе, включая «подружка Графа Олафа», «бывшая опекунша бодлеровских сирот», «шестой по важности городской финансовый советник», «бывшая обительница дома № 667 по Мрачному проспекту» и еще ряд определений, слишком скверных, чтобы быть напечатанными в книге. Но накрашенный рот прорывал имя, которое она предпочитала всем другим:

– Я – Эсме Джиджи Женеьев Скволор, – представилась Эсме Джиджи Женеьев Скволор, хотя Бодлеры, как ни старайся, и без того не могли ее забыть.

Она встала перед Бодлерами, и они сразу поняли, почему шаги ее были такими странными и неуверенными. С тех пор как дети ее узнали, Эсме Скволор всегда была рабыней моды, что в данном случае означает «одевалась в невероятно дорогие и часто невероятно нелепые наряды». Этим вечером на ней было длинное пальто, сшитое из меха большого количества животных, убитых самыми неприятными способами; в руке она держала сумочку, имевшую форму глаза, точь-в-точь как татуировка на левой щиколотке у ее друга. Еще на ней была шляпа с вуалью, падавшей ей на лицо, как будто она сморкалась в черный шелковый платок, а потом забыла убрать его, а на ногах – туфли с каблуками-стилетами. Стилет – это небольшой, с

¹⁷ Существуют фильм и книга под таким названием.

тонким лезвием нож наподобие кинжала, каким мог бы пользоваться карнавальный актер либо убийца. Слово «стилеть» иногда употребляют для описания женских туфель на очень высоких и острых каблуках. Но в данном-то случае речь шла о паре туфель с настоящими узкими ножами вместо каблуков. Стилеты были обращены вниз, так что с каждым шагом Эсме вонзала каблуки в пол хранилища документов. Иногда стилеты застревали, и тогда злодейке приходилось останавливаться и выдергивать их из пола, чем и объяснялись странные неровные шаги. Такие туфли считались, что называется, последним писком моды, но у Бодлеров были дела поважнее, чем листать журналы с перечислением того, что в моде и что вышло из моды, поэтому они глядели во все глаза на туфли Эсме и удивлялись, зачем она носит такую агрессивную и вместе с тем непрактичную обувь.

– Какой приятный сюрприз, – сказала Эсме. – Олаф велел мне взломать дверь в хранилище и уничтожить бодлеровское досье, ну а теперь мы можем уничтожить заодно и Бодлеров.

Дети переглянулись, потрясенные услышанным.

– Вам с Олафом известно про досье? – произнесла Вайолет.

Эсме рассмеялась особенно мерзким смехом и улыбнулась из-под вуали особенно мерзкой улыбкой.

– Естественно, мы знаем, – отрезала она. – Потому я и здесь – чтобы уничтожить все тринадцать страниц. – Она сделала странный неровный шаг в сторону Бодлеров. – Поэтому мы уничтожили Жака Сникета. – Она еще раз вонзила в пол каблуки, делая шаг вперед. – И поэтому уничтожим вас. – Она взглянула вниз на туфель и яростно дернула ногой, чтобы вытащить острие. – В здешней больнице будет еще три новых пациента, – сказала она, – но, боюсь, врачи не успеют спасти им жизнь.

Клаус вслед за сестрами стал отступать от приближающейся рабыни моды, а та медленно надвигалась на них.

– Кто уцелел во время пожара? – спросил Клаус Эсме, поднимая страницу вверх. – Кто-то из наших родителей остался в живых?

Эсме нахмурилась и мелкими шажками заспешила вперед, пытаясь вырвать у него страницу.

– Вы прочли досье? – страшным голосом спросила она. – Что говорится в досье?

– Вы никогда этого не узнаете! – крикнула Вайолет и повернулась к младшим. – Бежим!

Бодлеры бросились бежать по проходу, мимо остальных шкафов под буквой «Б», завернули за последний шкаф с этикеткой «бригантина – Брюссель» и нырнули в секцию с картошкой на букву «В».

– Мы бежим не в ту сторону, – сказал Клаус.

– Эгресс, – подтвердила Солнышко, что означало нечто вроде «Клаус прав – выход в противоположной стороне».

– Эсме тоже, – отозвалась Вайолет. – Нам надо каким-то образом обогнуть ее.

– Я до вас доберусь! – выкрикнула Эсме, и голос ее донесся до них поверх шкафов. – Вам не удрать, сироты!

Бодлеры задержались около шкафа с надписью «вальс – ваниль» (первое – бальный танец, а второе – специя, применяемая в кулинарии) и прислушались к цоканью каблуков.

– Какая удача, что на ней эти дурацкие туфли, – заметил Клаус. – Нам гораздо легче бежать, чем ей.

– Да, пока она не догадается снять их, – сказала Вайолет. – Она почти так же хитра, как и жадна.

– Ш-ш-ш! – прошептала Солнышко, и Бодлеры заметили, что шаги Эсме внезапно стихли.

Дети прижались друг к другу, услышав, как олафовская подружка что-то бормочет себе под нос, а затем до них донеслась череда устрашающих звуков. Сначала раздалось долгое скри-

пучее «кряк», потом грохочущее «бум», потом опять долгое скрипучее «кряк» и опять грохочущее «бум», и эти два рода звуков продолжали следовать в том же порядке, становясь раз от раза громче и громче. Дети в недоумении уставились друг на друга, и вдруг, в последнюю минуту, старшую из Бодлеров осенило:

– Она опрокидывает шкафы! – крикнула Вайолет, показывая поверх шкафа «вокализ»¹⁸ – Волосы Вероники»¹⁹. – Они валятся, как домино!

Клаус с Солнышком взглянули туда, куда показывала сестра, и увидели, что она права. Эсме толкнула один шкаф с картотекой, он повалился на следующий, а тот – на стоящий перед ним, и тяжелые металлические шкафы пошли рушиться на детей, как волна обрушивается на берег. Вайолет схватила за руки младших и потащила их прочь от падающих шкафов. Издав «кряк» и «бум», шкаф грохнулся на пол, где только что стояли дети. Трое Бодлеров с облегчением перевели дух – они были на волосок от того, чтобы оказаться раздавленными информацией о галлюциногенах²⁰, гельминтологии²¹, глагольных рифмах и о двух сотнях иных понятий.

– Сейчас я вас раздавлю! – крикнула Эсме, принимаясь за следующий ряд шкафов. – У нас с Олафом будет оригинальный завтрак – блинчики из Бодлеров!

¹⁸ Упражнение для голоса без слов.

¹⁹ Созвездие в Северном полушарии.

²⁰ Лекарства, способные вызвать галлюцинации.

²¹ Наука о паразитических червях и заболеваниях.

– Бежать! – крикнула Солнышко, но старших понукать не требовалось. Все трое опрометью бросились дальше по проходу к букве «Г», а вокруг них со всех сторон крякали и бухались шкафы.

– Куда дальше? – спросила Вайолет.

– В проход «Д»! – ответил Клаус, но тут же передумал, увидев, как накренился еще один ряд шкафов. – Нет! Проход «Е»!

– Какой? – переспросила Вайолет, не расслышав из-за грохота.

– «Е!» – прокричал Клаус. – Как в слове «ехать»!

Бодлеры ринулись по проходу «Е», как в слове «ехать», но, когда добежали до последнего шкафа, оказалось, что бежать надо в сторону «Ж», как в «Женевьев Эсме Скволор», а затем к «З», как в «Зачем мы бежим в ту сторону?», а потом к «И», как в «И каким образом мы отсюда выберемся?». И не успели дети оглянуться, как оказались далеко от проходной комнаты и выхода – дальше некуда. Вокруг валились шкафы, Эсме бешено хохотала и вонзала острия каблучков в пол, гоняясь за детьми. В результате они вдруг очутились в той части хранилища, куда по лотку поступала информация. Под треск и грохот рушившихся шкафов дети сперва усталились на корзину с бумагами, затем перевели взгляд на чашку со скрепками для бумаг, потом на дыру, ведущую наружу, и наконец друг на друга.

– Вайолет, – нерешительно произнес Клаус, – не могла бы ты изобрести что-нибудь с помощью скрепок и корзины, чтобы вызволить нас отсюда?

– Этого не требуется, – ответила Вайолет. – Выходом послужит желоб.

– Но тебе там не поместиться, – возразил Клаус. – Даже не уверен, что я туда влезу.

– Вам не уйти отсюда живыми, болваны безмозглые! – заорала Эсме страшным голосом страшные слова.

– Придется попробовать, – сказала Вайолет. – Солнышко, ты первая.

– Прапил, – с сомнением проговорила Солнышко, но с легкостью заползла в круглое отверстие и оттуда выглянула из темноты на старших.

– Теперь ты, Клаус, – сказала Вайолет, и Клаус, сняв очки, чтобы не разбить, последовал за младшей сестрой. Отверстие было узкое, но все же после некоторого маневрирования средний Бодлер ухитрился залезть внутрь.

– Ничего не получится, – сказал он старшей сестре, оглядевшись вокруг. – У лотка такой крутой наклон, что ползти вверх будет очень трудно. А тебе тут вообще не поместиться.

– Значит, я найду другой путь, – ответила Вайолет. Голос ее звучал спокойно, но Клаус и Солнышко видели в дыру, что глаза ее расширены от страха.

– Об этом и речи быть не может, – сказал Клаус. – Мы вылезаем обратно и будем спасаться все вместе.

– Мы не можем идти на такой риск, – возразила Вайолет. – Если мы разделимся, Эсме будет труднее нас ловить. Вы берете тринадцатую страницу и ползете вверх по желобу, а я выбираюсь каким-нибудь другим способом. Встретимся в недостроенном крыле.

– Нет! – выкрикнула Солнышко.

– Солнышко права, – поддержал ее Клаус. – Именно так получилось с Квегмайрами, помните? Мы оставили наших друзей одних, и их похитили.

– А теперь Квегмайры в безопасности, – напомнила Вайолет. – Не беспокойтесь, я изобрету какой-то выход из положения.

Старшая из Бодлеров слабо улыбнулась брату и сестре и сунула в карман руку, чтобы достать ленту, завязать волосы повыше и таким образом привести в действие рычажки и колесики своего изобретательского мозга. Но ленты в кармане не оказалось. И тут, лихорадочно ощупывая пустой карман, она спохватилась, что использовала ленту, когда делала фальшивую связку ключей, чтобы одурачить Хэла. Вайолет ощутила трепет в желудке, но долго терзаться по поводу своего обмана ей не пришлось. Она вдруг с ужасом услышала позади себя «кряк» и еле успела отскочить в сторону, чтобы избежать «бума» падающего на нее шкафа. Озаглавленный «лингвистика – львы» шкаф ударился о стену и заблокировал ход в лоток.

– Вайолет! – закричала Солнышко.

Они с братом попытались оттолкнуть шкаф в сторону, но силы тринадцатилетнего мальчика и малолетней сестры уступали тяжести металлического шкафа, содержавшего информацию о науке о языке и о крупных плотоядных кошачьих, которые водятся южнее Сахары и в некоторых областях Индии.

– Вайолет! – вскрикнула Солнышко.

– Я в порядке! – отозвалась Вайолет.

– Ненадолго! – прорычала Эсме за несколько проходов от девочки.

Клаус и Солнышко сидели в темной норе и слышали слабый голос сестры.

– Выбирайтесь! – настойчиво проговорила она. – Встретимся в нашем грязном холодном неподходящем жилье.

Младшие Бодлеры сидели, тесно сжавшись в узкой трубе, и было бы лишним описывать, как они были напуганы и в какое впали отчаяние. Нет смысла описывать, как страшно им было слышать мечущиеся шаги Вайолет по хранилищу документов или странные неровные шажки Эсме, преследовавшей старшую из Бодлеров на своих каблуках-кинжалах, а также треск и грохот падавших шкафов после каждого кинжального шажка. Нет необходимости описывать трудности передвижения стиснутых со всех сторон Клауса и Солнышка по узкому желобу с таким крутым наклоном, что двоим сиротам казалось, будто они ползут по большой горе, покрытой льдом, а не по довольно короткому желобу, по которому доставляли информацию. Бесплезно было бы описывать, как чувствовали себя двое детей, когда достигли другого конца трубы – еще одной дыры, пробитой в наружной стене больницы, и убедились, что Хэл был прав, предрекая особенно холодный вечер. И абсолютно бесполезно – иначе говоря, ненужно и бесплодно, потому что незачем описывать, каково им было сидеть в недостроенной части больницы, завернувшись в тряпки, чтобы не замерзнуть, с расставленными вокруг зажженными фонариками для компании и ждать, когда появится Вайолет. Незачем, ибо ни о чем перечисленном выше Клаус и Солнышко не думали.

Они сидели рядышком, сжимая в руках тринадцатую страницу бодлеровского досье, время шло, приближалась ночь, но они не думали ни о шуме, доносившемся из хранилища документов, ни о путешествии по желобу, ни даже о ледяном ветре, раздувавшем куски полиэтилена и пронизывавшем Бодлеров до костей. Клаус и Солнышко размышляли только о том, что сказала Вайолет, увидев листок бумаги, который они сейчас сжимали в руках. «Вот уж не думала, что доживу до этого дня», – сказала она. Младшие Бодлеры знали, что это можно выразить по-другому, например: «Я очень удивлена», или: «Я в высшей степени ошеломлена», или: «Я просто обалдела от удивления». Но сейчас, пока младшие, волнуясь все больше и больше, ждали сестру, они стали опасаться, что фраза, которую употребила Вайолет, более уместна, чем она могла тогда предполагать. Когда первые бледные лучи утреннего солнца начали освещать недостроенную половину больницы, младшими Бодлерами овладел страх, что сестра и впрямь не доживет до этого дня.

Глава восьмая

БОЛЬНИЦЫ этой нынче не существует, и вряд ли ее отстроят заново. Если захотите посетить ее, придется сперва убедить какого-нибудь фермера дать вам взаймы мула, поскольку никто в округе не согласится подойти к развалинам ближе чем на двенадцать миль. И как только вы побываете там сами, вы вряд ли этих людей осудите. Немногие уцелевшие останки здания облеплены густой и колючей разновидностью плюща под названием «кудзу», из-за чего трудно вообразить, как выглядела больница в то время, когда Бодлеры прибыли туда в фургоне Г. П. В. Запутанные схемы помещений на стенах вдоль провисших лестниц изгрызли мыши, и теперь уже не представить, какие мучения доставляло путешествие по больничному лабиринту. И система внутренней связи давно разрушилась, лишь кое-где среди покрытых золой развалин валяются квадратные динамики. Поэтому невозможно уразуметь, в какой ужас повергло Клауса и Солнышко последнее объявление Маттатиаса.

– Внимание! Внимание! Говорит Маттатиас, зав человеческими ресурсами. Я отменяю дальнейшее инспектирование. Мы нашли то, что хотели. – Последовала пауза. Маттатиас отодвинулся от микрофона, и напряженно вслушивавшиеся Клаус и Солнышко разобрали слабые звуки торжествующего визгливого смеха зава человеческими ресурсами. – Извините, – продолжал тот, когда приступ смеха окончился. – Продолжаю. Пожалуйста, имейте в виду, что в больнице замечены двое из трех убийц – Клаус и Сол... то есть Клайд и Сьюзи Бодлер. Если

увидите детей, чьи лица вам знакомы по «Дейли пунктилио», пожалуйста, хватайте их и уведомьте полицию.

Маттатиас замолчал и опять принялся хихикать. Дети услышали шепот Эсме Скволор: «Любимый, ты забыл выключить микрофон». После чего раздался щелчок и все стихло.

– Они ее поймали, – сказал Клаус.

Солнце уже взошло, и в недостроенной части больницы стало не так холодно, но среднего Бодлера все равно была дрожь.

– Это и имел в виду Маттатиас: они нашли то, что искали...

– Опасность, – мрачно проронила Солнышко.

– Да, Вайолет в опасности, – подтвердил Клаус. – Мы должны спасти ее, пока не поздно.

– Вирм, – заметила Солнышко, что означало «Но мы не знаем, где она».

– Где-то в больнице, – предположил Клаус, – иначе Маттатиаса здесь бы уже не было. Наверное, они с Эсме надеются поймать и нас тоже.

– Ранс, – добавила Солнышко.

– И заполнить досье, – согласился Клаус, доставая тринадцатую страницу из кармана, где хранил ее вместе с обрывками записных книжек Квегмайров. – Пойдем, Солнышко. Мы должны найти сестру и вызволить ее.

– Линдерстоу, – ответила Солнышко. Она хотела сказать: «Это будет нелегко. Придется обходить всю больницу и искать Вайолет, а другие будут обходить больницу и искать нас».

– Да, знаю, – хмуро проговорил Клаус. – Стоит кому-нибудь узнать нас по фотографиям, помещенным в «Дейли пунктилио», – и мы окажемся в тюрьме раньше, чем поможем Вайолет.

– Переодеться? – предложила Солнышко.

– Уж не знаю во что, – ответил Клаус, оглядывая недостроенное помещение. – У нас тут только и есть что фонарики да несколько тряпок. Может, если завернуться в тряпки и поставить себе на голову фонарики, мы могли бы попытаться выдать себя за груды строительных материалов?

– Гидууст, – возразила Солнышко, что означало «Но груды строительных материалов не расхаживают по больницам».

– Значит, придется войти в больницу как есть, – ответил Клаус. – Просто надо соблюдать крайнюю осторожность.

Солнышко закивала с большим воодушевлением, и в данном случае это означало, что она считает соблюдение крайней осторожности превосходным планом. А Клаус с воодушевлением закивал ей в ответ, но когда они покинули недостроенное крыло здания, воодушевление по поводу дальнейших действий начало с каждым шагом убывать. С того ужасного дня на пляже, когда мистер По принес им известие о пожаре, все трое Бодлеров соблюдали крайнюю осторожность, когда жили у Графа Олафа, и тем не менее Солнышко в конце концов очутилась в клетке, раскачивающейся за окном олафовской башни. Они соблюдали крайнюю осторожность, когда работали на лесопилке «Счастливые запахи», и все равно Клауса загипнотизировала доктор Оруэлл. И теперь Бодлеры вели себя осторожнее некуда, но больница оказалась таким же враждебным миром, каким были все места, где детям довелось жить. Едва Клаус и Солнышко вошли в достроенную половину больницы, причем ноги их двигались все с меньшим воодушевлением, а сердца бились быстрее и быстрее, как слышали нечто, успокоившее их взволнованные души:

Мы волонтеры, мы бьемся с болезнью,
Дарим веселье весь день напролет.
Кто попрекнет нас печалью и ленью,
Тот однозначно и нагло соврет.

И тут же из-за угла показалась Группа Поющих Волонтеров – они шли по коридору, распевали свою веселую песню и несли огромные связки воздушных шаров в форме сердца. Клаус и Солнышко переглянулись и бросились за ними вдогонку: где лучше укрыться, как не среди людей, которые считают, что «отсутствие новостей – хорошая новость», и поэтому не читают газет?

Мы навещаем больных и недужных,
Чтоб улыбнулись они хоть разок,
Даже сквозь кашель сухой и натужный,
Даже сквозь сопли и мокрый платок.

К их великому облегчению, волонтеры не обратили на Клауса и Солнышко никакого внимания, когда те просочились в их ряды, то есть скользнули в середину поющих людей. Лишь одна особенно жизнерадостная певунья их заметила и немедленно протянула по воздушному шарик. Клаус и Солнышко пошли дальше, прикрывая шариками лица, так чтобы любой встречный увидел двух волонтеров с блестящими, наполненными гелием шарами, а не двух преступников, прячущихся среди Г. П. В.

Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-лей,
А ну поправляйся быстрее.
Тра-ла-ла-ла, э-ге-ге-гей,
Держи скорей шарик и не болей.

Дойдя до припева, волонтеры вошли в палату с намерением вселить в больных жизнерадостность. В палате на двух неудобных койках лежали мужчина с обеими ногами в гипсе и женщина с обеими руками на перевязи. Не прекращая петь, один из волонтеров протянул мужчине шарик, а другой шар прицепил женщине на гипсовую повязку, поскольку та не могла держать его сломанными руками.

– Простите, – хриплым голосом обратился к волонтеру больной, – не позовете ли сиделку? Утром мне полагалось принять обезболивающие таблетки, но никто ко мне не заходил.

– А мне бы стакан воды, – слабым голосом попросила женщина, – если вам не очень трудно.

– Извините, – ответил бородач, после того как сперва настроил гитару. – Нам некогда заниматься такими пустяками. Надо обойти все палаты до единой, мы спешим.

– А кроме того, – добавил другой волонтер, улыбаясь во весь рот, – жизнерадостное настроение более эффективно в борьбе с болезнью, чем обезболивающие лекарства или стакан воды. Не унывайте, и пусть вас радуют воздушные шарики. – Волонтер сверился с листом, который держал в руках. – Следующий по списку – Бернар Риё, палата сто пять в Чумном отделении. Вперед, братья и сестры!

Члены Г. П. В. громогласно попрощались с больными и, выйдя из палаты, снова запели.

Клаус и Солнышко выглянули из-за шариков и с надеждой посмотрели друг на друга.

– Если мы обойдем все палаты, – шепнул Клаус, – мы наверняка найдем Вайолет.

– Мушульм, – шепнула в ответ Солнышко, что означало «Согласна, только не слишком-то приятно видеть столько больных людей».

Приходим к тому, кто не домогает,
Чтоб над болячкой смеялся он сам,
Даже когда доктора обещают

Ловко его распилить пополам.

У Бернара Риё оказался сильнейший сухой кашель, который сотрясал его тело так, что он с трудом удерживал воздушный шарик. Бодлерам подумалось, что хороший увлажнитель воздуха помог бы ему больше, чем жизнерадостное настроение. Члены Г. П. В. заглушили кашель, затянув следующий куплет, а Клаус с Солнышком чуть было не бросились на поиски увлажнителя, но спохватились, что Вайолет подвергается гораздо большей опасности, чем тот, кто кашляет, и поэтому остались и дальше прятаться среди волонтеров.

Песня повсюду разносится звонко,
Поем мы куплеты ночью и днем.
Поем для мальчишки с разбитой коленкой
И для девчонки с ангиной поем.

Следующей в списке стояла Синтия Вейн, молодая женщина с невыносимой зубной болью. Она, возможно, хотела бы съесть что-нибудь холодное и мягкое, а не получать воздушный шарик в форме сердца, но, хотя детям было жалко смотреть на ее мучения, на искривленный от боли рот, они не посмели бежать за яблочным пюре или за мороженым. Ведь не исключено, что она уже прочла «Дейли пунктилио», чтобы как-то развлечься, лежа в больничной палате, и могла их узнать, если они покажут свои лица.

Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-лей,
А ну поправляйся быстрее.
Тра-ла-ла-ла, э-ге-ге-гей,
Держи скорей шарик и не болей.

Волонтеры шли все дальше и дальше, и Клаус с Солнышком шагали вместе с ними, но с каждым «ха-ха-ха», «хи-хи-хи» все больше падали духом. Они следовали за волонтерами по лестницам, вверх и вниз, видели множество запутанных схем на стенках, динамиков и больных, но нигде не было видно их сестры. Они посетили палату 201 и попели Ионе Мэпплу, страдавшему морской болезнью; в палате № 714 подарили шарик Чарли Эндерсону, с которым произошел несчастный случай; навестили Клариссу Дэллоуэй, у которой с виду ничего не болело, она только все время стояла у окна своей палаты № 1308 и печально глядела на улицу. Но нигде, ни в одной палате, где перебивали волонтеры, не было Вайолет Бодлер, а именно она, как опасались Клаус и Солнышко, страдала больше других пациентов.

– Сиюн, – шепнула Солнышко, когда волонтеры стали подниматься еще по одной лестнице. Она имела в виду что-то вроде «Мы все утро бродим по больнице, но ни на шаг не продвинулись в спасении нашей сестры». И Клаус мрачно кивнул в ответ.

– Да, знаю, – сказал он, – но ведь волонтеры непременно посетят всех больных до единого. И в конце концов мы найдем Вайолет.

– Внимание! Внимание! – раздался голос, и члены Г. П. В. бросили петь и собрались вокруг ближайшего динамика, чтобы послушать, что скажет Маттатиас. – Внимание! – повторил Маттатиас. – Сегодня важнейший день в истории этой больницы. Ровно через час один из врачей произведет первую в мире краниоэктомию девочке. Мы все надеемся, что эта очень опасная операция пройдет с успехом. На этом все.

– Вайолет, – пробормотала Солнышко.

– Я тоже так думаю, – сказал Клаус. – Мне не нравится название операции. «Кранио» значит «череп», а «эктомия» – медицинский термин, означающий, что кому-то что-то отрезают.

– Обезглав? – с ужасом прошептала Солнышко. Она хотела сказать «Думаешь, они собираются отрезать Вайолет голову?»

– Не знаю. – Клаус вздрогнул. – Но больше мы не можем ходить с поющими волонтерами. Надо срочно найти Вайолет.

– О'кей! – крикнул один из волонтеров, справившись со списком. – Следующая пациентка Эмма Бовари, палата две тысячи шестьсот одиннадцать. У нее пищевое отравление, так что ей особенно полезно жизнерадостное настроение.

– Простите, брат, – обратился к нему Клаус, с большой неохотой применяя слово «брат» по отношению к человеку, которого едва знал. – Я хотел узнать, нельзя ли мне на время получить ваш список больных.

– Пожалуйста, – отозвался волонтер. – Да мне и неохота читать про всех пациентов – уж очень тоскливо делается. Лучше шарики держать. – И он с жизнерадостной улыбкой протянул Клаусу длинный список и забрал у него воздушный шарик в виде сердца. В это время бородач перешел к следующему куплету:

Поем мужику с неизвестной хворобой,
Домохозяйке поем с ОРЗ,
Если ты кладезь смертельных микробов,
Наверняка мы споем и тебе.

Теперь лицо Клауса оставалось открытым, поэтому, чтобы просмотреть список, ему пришлось спрятаться за шар, который держала Солнышко.

– Тут сотни больных, – сказал он тихонько сестре, – и список составлен не в алфавитном порядке, а по палатам. Прямо тут, в коридоре, все их не прочесть. Да еще надо лицо прятать за одним шариком.

– Дамаджат. – Солнышко показала куда-то дальше по коридору. Под этим словом она разумела что-то вроде «Давай спрячемся вон в той кладовой».

И в самом деле, в конце коридора, на некотором расстоянии от двух остановившихся поболтать врачей, под одной из запутанных схем виднелась дверь с надписью «Кладовая». В тот момент, когда члены Г. П. В. приступили к припеву, направляясь к палате, где лежала Эмма Бовари, Клаус и Солнышко отделились от волонтеров и с осторожностью двинулись в сторону кладовой, старательно прикрывая свои лица одним воздушным шариком. К счастью, врачи так увлеченно обсуждали какое-то спортивное событие, виденное ими по телевизору, что не обратили внимания на двух преступников, обвиняемых в убийстве, которые крались по коридору их больницы. И когда волонтеры затянули

Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-лей,
А ну поправляйся быстрее.
Тра-ла-ла-ла, э-ге-ге-гей,
Держи скорей шарик и не болей,

Клаус и Солнышко незаметно проскочили в кладовую.

Подобно церковному колоколу, гробу и бочонку с растаявшим шоколадом, кладовая не самое удобное место для того, чтобы спрятаться, и данная кладовая не была исключением. Младшие Бодлеры очутились в маленькой тесной комнатке, освещенной мигающей лампочкой, одиноко свисавшей с потолка. На одной стене висели на крючках белые халаты, на противоположной имелась ржавая раковина, над которой можно было вымыть руки перед осмот-

ром пациента. Остальное пространство заполняли огромные жестянки с супом-алфавитом²², даваемым пациентам на ланч, а также небольшие коробки с резиновыми полосами, назначения которых дети не знали.

– Так, – сказал Клаус, – не очень уютно, но, по крайней мере, тут нас никто не обнаружит.

– Пеш, – выпалила Солнышко, имея в виду что-то вроде «Во всяком случае, пока кому-то не понадобятся резиновые бинты, суп-алфавит, белые халаты или чистые руки».

– Ну, будем одним глазом поглядывать на дверь, – сказал Клаус, – а другим – на список. Он очень длинный, но все-таки сейчас у нас есть кой-какое время и мы успеем найти имя Вайолет.

– Верно, – одобрила Солнышко.

Клаус положил список на одну из жестянок с супом и торопливо начал перелистывать страницы. Как он уже заметил, фамилии стояли не в алфавитном порядке, а по отделениям, так что детям пришлось изучать каждую страницу в надежде заметить имя Вайолет Бодлер в списке всех больных. Однако, после того как они просмотрели список под заголовком Отделение больного горла и внимательно изучили имена в Отделении сломанных шей, прочесали весь список больных, находящихся в Отделении заразной сыпи, Клаусу и Солнышку показалось, что они попали в Отделение упавших духом, ибо нигде им не попалось имени Вайолет. При свете мигающей лампочки двое Бодлеров лихорадочно листали страницу за страницей, но не находили ничего, что помогло бы им определить, где спрятана сестра.

– Ее здесь нет, – заключил Клаус, откладывая последнюю страницу Отделения пневмонии. – В списке нет ее имени. Как же отыскать ее в этой огромной больнице, когда нам неизвестно, в какой она палате?

– Псевдоним, – подсказала Солнышко, желая сказать «Может быть, она записана под другим именем?»

– Правильно, – согласился Клаус и снова взглянул на список. – Ведь у Маттатиаса настоящее имя Граф Олаф. Может, он придумал и для Вайолет новое имя, чтобы мы не могли ее освободить. Но где тут настоящая Вайолет? Она может быть кем угодно, от Михаила Булгакова до Харуки Мураками²³. Что нам делать? Где-то тут, в больнице, готовятся делать абсолютно ненужную операцию нашей сестре, а мы...

Клауса прервал трескучий смех, раздавшийся над головой у Бодлеров. Они подняли глаза и увидели на потолке квадратный динамик.

– Внимание! – сказал, отсмеявшись, Маттатиас. – Доктор Флакутоно, пожалуйста, явитесь в Хирургическое отделение для подготовки к краниоэктомии.

– Флакутоно! – повторила Солнышко.

– Да, я тоже вспомнил это имя, – проговорил Клаус. – Этим фальшивым именем пользовался один из сообщников Графа Олафа, когда мы жили в Полтравилле.

– Тайофрек! – с отчаянием произнесла Солнышко. Она хотела сказать «Вайолет грозит серьезная опасность, надо немедленно найти ее». Но Клаус не отозвался. Его глаза за стеклами очков были полузакрыты, как и всегда, когда он старался вспомнить что-то из прочитанного.

– Флакутоно, – повторил он. – И еще раз, с расстановкой: – Фла-ку-то-но. – Затем он сунул руку в карман, где хранил все важные бумаги, какие Бодлерам удалось собрать. – Аль Фонкут, – сказал он и вынул одну из страниц квегмайровской записной книжки. Там были написаны слова «Ана Грамма», которые показались Бодлерам бессмысленными, когда они все вместе разглядывали эту страницу. Клаус посмотрел на страницу из записной книжки, потом на список больных, потом опять на страницу. Затем он взглянул на Солнышко, и она увидела,

²² Суп, в котором содержатся макаронные изделия в виде букв алфавита.

²³ Михаил Булгаков (1891–1940) – русский писатель и драматург. Харуки Мураками (род. 1949) – японский писатель и переводчик.

как глаза его расширились. Так происходило всегда, если Клаусу удавалось решить очередную задачу.

– Я, кажется, догадался, как найти Вайолет, – медленно проговорил он. – Нам понадобятся твои зубы, Солнышко.

– Готова, – отозвалась Солнышко и открыла рот.

Клаус улыбнулся и показал на стопку жестянок.

– Открой одну, – попросил он, – и поскорее.

Глава девятая

– РЕКАЦИР? – спросила ошарашенная Солнышко.

Слово «ошарашенная» означает здесь «изумленная тем, что Клаус именно сейчас вздумал есть суп-алфавит», а «рекацир» в данном случае означает «Клаус, почему тебе вздумалось есть суп-алфавит именно сейчас?».

– Мы не будем его есть, – ответил Клаус, вручая Солнышку одну из жестянок. – Мы почти весь выльем в раковину.

– Пиетрисикамоллавиадельрехиотемек-сити, – выговорила Солнышко, что, как вы, вероятно, помните, приблизительно означает «Признаюсь, я не имею ни малейшего понятия о том, что происходит». Солнышко произносила это словосочетание трижды за свою жизнь и начинала подозревать, что с возрастом ей придется произносить его все чаще и чаще.

– В прошлый раз ты это сказала, когда мы пытались расшифровать страницы, оставшиеся от Квегмайров. – Клаус улыбнулся, протянул одну страницу Солнышку и показал ей на слова «Ана Грамма». Мы тогда думали – это чье-то имя. Но это своего рода шифр. Анаграмма – это

когда ты переставляешь буквы в слове или словах таким образом, чтобы получилось другое слово или слова.

– Все равно пиетрисикамоллавиладельехиотемексити, – со вздохом сказала Солнышко.

– Сейчас я все тебе объясню, – утешил ее Клаус. – Граф Олаф использует анаграммы, когда хочет что-то скрыть. Сейчас он скрывает нашу сестру. Уверен, что она есть в этом списке, только буквы в ее имени перемешаны. Алфавитный суп поможет расставить буквы по местам.

– Как? – спросила Солнышко.

– Анаграмму трудно разгадать, если нельзя попереставлять по-всякому каждую букву в отдельности, – объяснил Клаус. – Самое лучшее – это детские кубики или маленькие плитки с буквами для игры в «Эрудит», но и алфавитные макаронные буквы сойдут. Давай открывай поскорее жестянку.

Солнышко улыбнулась, оскалила свои острые-преострые зубы, а затем, с размаху опустив голову, впилась в край банки. Солнышко вспомнила тот день, когда сама научилась вскрывать жестяные банки. Произошло это не так уж давно, но казалось далеким прошлым, поскольку случилось до того, как сгорел дом Бодлеров, в те времена, когда вся семья жила счастливо вместе. Был мамин день рождения, она еще спала, а все остальные возились с тортом в подарок маме. Вайолет взбивала яйца, масло и сахар в миксере своего изобретения. Клаус просеивал муку с корицей, поминутно останавливаясь, чтобы протереть очки. А отец готовил свой знаменитый творожный крем, чтобы густо смазать им пирог. Все шло хорошо, пока не сломалась электрическая открывалка для консервов, а у Вайолет не нашлось нужных инструментов для починки. Отцу до разреза требовалось открыть банку со сгущенным молоком для глазури, и казалось уже, что торт погиб безвозвратно. И тут вдруг Солнышко, все это время тихо игравшая на полу, произнесла свое первое слово «кус», сказала и впилась зубами в жестянку. В крышке образовались четыре маленькие дырочки, откуда потекло густое сладкое молоко. Бодлеры засмеялись и заплодировали, мама услышала их и спустилась со второго этажа, и с тех пор Солнышко использовали, когда требовалось открыть банку с чем угодно, кроме свеклы, пятна от которой трудно отстирать. И вот сейчас, прокусывая верх банки с алфавитным супом, самая младшая из Бодлеров размышляла – действительно ли кто-то из родителей уцелел во время пожара и можно ли возлагать на это надежды на основании лишь одной фразы на тринадцатой странице сникетовского досье. Солнышко гадала, соберется ли когда-нибудь семья Бодлер воедино, будет ли смеяться и хлопать в ладоши и трудиться вместе, приготовляя что-то сладкое и вкусное...

– Готово, – объявила наконец Солнышко.

– Молодец, Солнышко, – похвалил ее Клаус. – А теперь попробуем составить из лапшинок имя Вайолет.

– В? – спросила Солнышко.

– Правильно, – подтвердил Клаус. – В-а-й-о-л-е-т Б-о-д-л-е-р.

Дети стали по очереди запускать руку в банку с супом и копать в кубиках моркови, резаного сельдерея, слегка проваренного картофеля, жареных перцев, горошка на пару – все это плавало в густом сливочном отваре, приготовленном по неизвестному рецепту из смеси трав и специй. Они искали нужные им макаронные изделия в холодном, проведенном в кладовой не один месяц супе. Иногда они вылавливали нужную букву, но она тут же разламывалась или же выскальзывала из липких пальцев обратно в жестянку. Но все-таки в конце концов они отыскали В-А-Й-О-Л-Е-Т-Б-О-Д-Л-Р, а вместо еще одной Е, которая им так и не попалась, они решили использовать кусочек морковки.

– Так, – сказал Клаус, когда они выложили все лапшинки на крышку другой банки, чтобы удобнее было передвигать их. – Взглянем еще раз на список больных. Маттатиас объявил, что операция будет произведена в Хирургическом отделении, так что давай посмотрим в этом разделе списка – не найдется ли там подходящих имен.

Солнышко вылила остаток супа в раковину и кивнула. Клаус быстро нашел хирургический раздел и прочитал фамилии пациентов:

ЛАЙЗА Н. ЛУТНДЭЙ
АЛЬБЕРТ Е. ДЕВИЛОЙА
ЛИНДА РОЛДИН
АДА О. ЮБЕРВИЛЛЕТ
ЭД ВЭЛИАНБРУ
ЛОРА В. БЛЕДОТЕЙ
МОНТИ КЕНСИКЛ
НЕД Г. РИРГЕР
ЭРИК БЛУТЕТТС
РУТ ДЁРКРАУМП
ЭЛ БРИСНОУ
КЕРРИ Е. ЭЙБЕЛАБУДАЙТ

– Ну и ну! – воскликнул Клаус. – Тут что ни имя, то готовая анаграмма. Как нам успеть разобраться с каждым, пока не поздно?

– В! – выпалила Солнышко.

– Ты права. Имена, в которых нет буквы «В», не могут быть анаграммами Вайолет Бодлер. Мы их сразу можем вычеркнуть, то есть могли бы, будь у нас чем писать.

Солнышко задумчиво полезла в один из белых халатов, интересуясь, что держат врачи в карманах, и обнаружила хирургическую маску, которая отлично закрывает лицо, пару резиновых перчаток, какие отлично защищают руки, и на самом дне кармана – шариковую ручку, которой отлично можно вычеркнуть имена, не являющиеся нужными анаграммами. С довольной улыбкой Солнышко протянула ручку Клаусу, и он поспешил вычеркнуть имена без буквы «В». После чего список стал выглядеть так:

ЛАЙЗА Н. ЛУТНДЭЙ
АЛЬБЕРТ Е. ДЕВИЛОЙА
ЛИНДА РОЛДИН
АДА О. ЮБЕРВИЛЛЕТ
ЭД ВЭЛИАНБРУ
ЛОРА В. БЛЕДОТЕЙ
МОНТИ КЕНСИКЛ
НЕД Г. РИРГЕР
ЭРИК БЛУТЕТТС
РУТ ДЁРКРАУМП
ЭЛ БРИСНОУ
КЕРРИ Е. ЭЙБЕЛАБУДАЙТ

– Уже легче, – заметил Клаус. – Теперь передвинем буквы в имени Вайолет и посмотрим, можно ли составить из них «Альберт Е. Девилойа».

Как можно осторожнее, стараясь не сломать, Клаус принялся двигать макаронные буквы, выловленные из супа, и вскоре выяснил, что «Альберт Е. Девилойа» не годится в качестве анаграммы «Вайолет Бодлер». У этих имен было много общего, но не все буквы совпадали.

– Должно быть, Альберт Е. Девилойа – настоящий больной, – разочарованно протянул Клаус. – Давай попробуем Аду О. Юбервиллет.

И опять в кладовой послышались тихие шлепающие звуки, напомнившие детям что-то скользкое, вылезающее из болота. И все же эти звуки были куда приятнее, чем те, которые прервали их занятие.

– Внимание! Внимание! – Голос Маттатиаса над головой у Бодлеров прозвучал особенно фальшиво. – Хирургическое отделение закрывается на краниоэктомию. Вход до наступления смерти... в смысле до окончания операции разрешен только доктору Флакутоно и его коллегам. На этом все.

– Скорость! – выкрикнула Солнышко.

– Я знаю, что надо спешить! – крикнул в ответ Клаус. – Но быстрее двигать буквы не могу! Ада О. Юбервиллет тоже не подходит! – Клаус снова схватился за список – посмотреть, кто следующий, и нечаянно сшиб локтем одну букву. С влажным «шмяк» она шлепнулась на пол. Солнышко подобрала ее, но буква распалась надвое. Вместо «О» у Бодлеров остались две скобки.

– Ничего, – торопливо сказал Клаус. – Следующее по списку имя – Эд Вэлианбру, все равно в нем нет «О».

– О! – вскрикнула Солнышко.

– О! – согласился Клаус.

– О! – настойчиво повторила Солнышко.

– Ох! – воскликнул Клаус. – Понял, что ты имеешь в виду! Если в имени нет «О», то имя не может быть анаграммой Вайолет Бодлер. В таком случае в списке остается одно имя: Лора В. Бледотей. И это то, что мы ищем.

– Проверка! – выпалила Солнышко и, затаив дыхание, стала следить, как Клаус передвигает макаронные буквы. За несколько секунд имя старшей сестры выглядело как Лора В. Бледотей, если вычесть «О», кусочки которого Солнышко все еще сжимала в кулачке, и второе «Е», оставшееся кусочком морковки.

– Это она, все в порядке, – с торжествующей улыбкой объявил Клаус. – Мы нашли Вайолет.

– Асклу, – проговорила Солнышко, что означало «Мы никогда бы ее не нашли, если бы ты не догадался, что Олаф использует анаграммы».

– На самом деле догадались об этом тройняшки Квегмайр, – возразил Клаус, помахивая страничкой из записной книжки. – Зато ты вскрыла банку с супом и облегчила нашу задачу. Ладно, хватит хвалить друг друга, надо спасать сестру. – Клаус взглянул на список пациентов. – Мы найдем Лору В. Бледотей в палате девятьсот двадцать два Хирургического отделения.

– Гвито, – заметила Солнышко, желая сказать «Но ведь Маттатиас закрыл Хирургическое отделение».

– Значит, придется открыть его, – мрачно проговорил Клаус и оглядел кладовую. – Давай наденем белые халаты. Если мы будем выглядеть как доктора, может, нам удастся проникнуть в отделение. Можно воспользоваться хирургическими масками и скрыть наши лица – как делал пособник Олафа на лесопилке.

– Квегмайры, – с сомнением произнесла Солнышко, желая сказать «Когда Квегмайры попробовали замаскироваться, им не удалось провести Олафа».

– Зато когда маскировался Олаф, – возразил Клаус, – он одурачивал всех.

– Нас, – возразила Солнышко.

– Всех, кроме нас, – подтвердил Клаус. – Но мы ведь не себя должны одурачить.

– Так, – согласилась Солнышко и сняла с крючков два белых халата.

Поскольку врачи по большей части взрослые люди, халаты оказались детям очень велики и напомнили им про огромные костюмы в полоску, которые купила для них Эсме Скволор, когда была их опекуней. Клаус помог Солнышку закатать рукава, а Солнышко помогла Клаусу завязать маску на затылке, и через несколько минут маскарад был завершен.

– Пошли, – сказал Клаус и взялся за ручку двери. Но не стал открывать ее. Он повернулся к сестре, и оба Бодлера посмотрели друг на друга.

Несмотря на белые халаты и хирургические маски, они не выглядели как врачи. Они выглядели как двое детей в белых халатах и в хирургических масках. Их маскировка казалась поддельной – слово, означающее здесь «не имевшая отношения к настоящим врачам», хотя она была не более поддельной, чем все обличья, которые принимал Олаф, начиная с первой же попытки украсть бодлеровское наследство. Клаус и Солнышко смотрели друг на друга, и им хотелось надеяться, что олафовская тактика сработает и поможет им выкрасть сестру, поэтому без дальнейших слов они открыли дверь и вышли из кладовой.

– Как? – спросила Солнышко, желая сказать «Но каким образом мы отыщем Хирургическое отделение? Ведь схемы больничного здания такие запутанные».

– Надо найти кого-нибудь, кто тоже идет туда, – ответил Клаус. – Или, во всяком случае, выглядит так, как будто идет именно в Хирургическое отделение.

– Силата, – возразила Солнышко. Она имела в виду что-то вроде «Но здесь так много людей».

И в самом деле, хотя Поющие Волонтеры куда-то запропастились, в коридорах больницы было полным-полно народу. Любой больнице требуется множество разного рода специалистов и много разного рода оборудования для успешной работы, и пока Клаус с Солнышком разыскивали Хирургическое отделение, им повстречались самые разнообразные больничные служащие с самой разнообразной аппаратурой и инструментами в руках. Врачи со стетоскопами спешили послушать сердцебиение пациентов, акушерки спешили принять роды, рентгенологи с рентгеновскими аппаратами спешили по коридорам, готовясь разглядеть внутренности пациентов, глазные хирурги с лазерной техникой в руках спешили проникнуть внутрь их органов зрения. Медсестры со шприцами спешили сделать больным уколы. Служащие из администрации с большими блокнотами спешили поскорее взяться за важную канцелярскую работу. Но сколько Бодлеры ни озирались, они не видели никого, кто бы наверняка спешил в Хирургическое отделение.

– Я не вижу хирургов, – с отчаянием произнес Клаус.

– Пейпикс, – подтвердила Солнышко, что означало «Я тоже».

– Все с дороги! – потребовал голос в конце коридора. – Я – ассистент хирурга, несу инструменты доктору Флакутоно!

Все сотрудники больницы посторонились, пропуская обладательницу голоса – высокую особу в белом халате и хирургической маске, ступавшую странными неуверенными шажками.

– Я сию же минуту должна попасть в Хирургическое отделение! – заявила особа и прошла мимо Бодлеров, не обратив на них никакого внимания.

Зато Клаус и Солнышко обратили внимание на нее. Они увидели, что из-под длинного белого халата выглядывают туфли на каблуках-стилетах, и в руке у нее заметили сумочку в форме глаза. Дети разглядели черную вуаль, спускавшуюся со шляпки на маску, а в нижней части маски заметили пятна помады, пропитавшие марлю там, где находились губы.

Разумеется, эта особа только изображала ассистента хирурга, и в руке она несла нечто, лишь изображавшее хирургический инструмент, но дети с одного взгляда разгадали фальшивость того и другого. В особе, удалявшейся нетвердыми шажками по коридору, Бодлеры признали Эсме Скволор, злодейскую подружку Графа Олафа, а в предмете, который она несла в руке, оба Бодлера узнали большой, ржавый, в зазубринах нож, который как нельзя лучше подходил для краниоэктомии.

Глава десятая

ЗДЕСЬ я должен прервать ужасную историю, которую пишу, и рассказать про то, что случилось с моим добрым знакомым по имени мистер Сирин²⁴. Мистер Сирин был лепидоптеристом, что обычно означает «человек, изучающий бабочек». Однако в данном случае слово «лепидоптерист» означает «человек, которого преследуют разгневанные служители закона», и как раз в тот вечер, о котором идет речь, они гнались за мистером Сириным по пятам. Он оглянулся, чтобы понять, на каком они расстоянии – четверо агентов в ярко-розовой униформе, каждый с фонариком в левой руке и с большой сеткой в правой, – и сообразил, что сейчас они его настигнут и арестуют вместе с шестью любимыми бабочками, которые, отчаянно размахивая крыльями, летели бок о бок с ним. Мистера Сирина не волновало, что схватят его (он уже сидел в тюрьме четыре с половиной раза за свою долгую и непростую жизнь), но он волновался из-за бабочек. Он сознавал, что эти шесть хрупких созданий наверняка погибнут в тюрьме для насекомых, где ядовитые пауки, жалящие пчелы и другие преступники разорвут их в клочья. И вот, когда сотрудники секретной службы окружили мистера Сирина, он как можно шире разинул рот и проглотил всех бабочек, так что они быстро очутились в темном, но безопасном убежище – в его пустом желудке. Не очень, конечно, было приятно ощущать внутри трепыхание шести бабочек, но мистер Сирин продержал их там три года, питаясь только самой легкой пищей, какую ему могли предоставить в тюрьме, так как боялся зашибить нежных насекомых комком брокколи или печеной картошкой. Когда срок заключения кончился, мистер Сирин

²⁴ Очередная шутка Сникета: Сирин – псевдоним известного русско-американского писателя В. В. Набокова. Он всю жизнь изучал бабочек, но в тюрьме никогда не сидел.

отрыгнул благодарных бабочек и продолжил свои занятия лепидоптерией в другом округе, где общество более дружелюбно относилось к натуралистам и объектам их изучения.

Я рассказываю вам эту историю не только ради того, чтобы продемонстрировать храбрость и силу воображения одного из моих любимых друзей, но также чтобы помочь вам вообразить, как чувствовали себя Клаус и Солнышко, когда Эсме Скволор, изображавшая ассистента доктора Флакутоно, шла по коридору больницы и несла длинный ржавый нож, замаскированный под хирургический инструмент, предназначенный для Вайолет. Дети поняли, что их единственный шанс найти Хирургическое отделение и спасти сестру – это попытаться одурачить жадную злодейку на каблуках-стилетах. Но, приблизившись к ней, они, подобно мистеру Сирину, отсиживавшему пятый, и последний, срок в тюрьме, ощутили весьма неприятное трепыхание бабочек у себя в желудке.

– Извините, мэм, – проговорил Клаус, стараясь, чтобы голос его звучал не как у тринадцатилетнего подростка, а хотя бы как у юноши, окончившего медицинский факультет, – вы, кажется, сказали, что являетесь ассистентом доктора Флакутоно?

– Отстаньте от меня, – огрызнулась Эсме. – Если у вас со слухом плохо, идите в Ушное отделение.

– Со слухом у меня все в порядке, – ответил Клаус. – Мы – помощники доктора Флакутоно.

Эсме остановилась, не успев вонзить в пол каблук, и взглядела в детей. Клаус и Солнышко видели, как сверкают за вуалью ее глаза.

– А я-то думаю, куда вы подевались, – сказала она наконец. – Пошли со мной, я отведу вас к пациентке.

– Пэтси, – буркнула Солнышко.

– Она говорит, – быстро добавил Клаус, – что мы очень беспокоимся насчет Лоры В. Бледотей.

– Ну, вам уже недолго о ней беспокоиться, – отозвалась Эсме, заворачивая за угол в следующий коридор. – Нате, несите нож.

Злобная олафовская подружка отдала Клаусу нож и, наклонившись к его уху, прошептала:

– Я рада, что вы обе здесь. Младших щенков еще не поймали, и досье о сникетовских пожарах у нас тоже пока нет. Власти забрали его для расследования. Босс говорит, может, придется поджечь все заведение.

– Жечь? – перепросила Солнышко.

– Об этом Маттатиас сам позаботится. – Эсме оглядела коридор, желая убедиться, что их никто не слышит. – Ваше дело – ассистировать при операции. Поторопимся.

Эсме стала подниматься по лестнице со всей быстротой, какую позволяли ее туфли, и взволнованные дети последовали за нею. Клаус держал в руках ржавый зазубренный нож. Они открывали дверь за дверью, переходили из коридора в коридор, поднимались по лестницам, и все это время дети со страхом ждали, что в любую минуту Эсме разгадает обман и узнает их. Но жадная злодейка была поглощена выдергиванием каблучков из пола и не замечала, что двое неожиданно возникших сообщников доктора Флакутоно удивительно похожи на детей, которых она старается поймать. Наконец Эсме привела их к двери с табличкой «Хирургическое отделение», где на страже стоял некто, кого дети узнали без промедления. На нем была куртка с надписью «Больница» и фуражка с надписью «Охрана» – большими черными буквами. Но Клаус с Солнышком сразу увидели, что это еще одно поддельное обличье. Они уже сталкивались с этим субъектом на Дамокловой пристани, когда опекуницей у них была бедная Тетя Жозефина. Они готовили на него обед, когда жили у Графа Олафа. Этот поддельный охранник был не кто иной, как громадина, то ли мужчина, то ли женщина, который содействовал Графу Олафу во всех его гнусных начинаниях с тех самых пор, как Бодлерам приходилось от них

спасаться. Существо посмотрело на детей, а дети посмотрели на него (или на нее) в полной уверенности, что он (или она) сейчас разоблачит их. Но олафовский приспешник только кивнул и открыл дверь.

– Старшую сироту уже усыпили, – сказала Эсме, – так что вам, девушки, надо только сходить в палату и отвезти ее в операционную. А я пока попытаюсь найти этого плаксу-книго-чая и глупую малявку с зубищами. Маттатиас предоставил мне самой решать, кого раздрать в клочья, а кого оставить живым, чтоб вырвать у мистера По их наследство.

– Отлично, – отозвался Клаус, стараясь говорить как можно более свирепым и злодейским тоном. – А то надоело гоняться за этими молокососами.

– Мне тоже, – согласилась Эсме, а громадный страж одобрительно кивнул. – Но я уверена, этот раз – последний. Как только мы уничтожим досье, никто уже не сможет обвинить нас в преступлениях, а как только покончим с сиротами, состояние – наше.

Злодейка замолчала, огляделась, убедилась, что никто посторонний ее не слышит, и, довольная, торжествующе расхохоталась диким смехом. Громадина тоже расхохотался, и его смех походил на визг и на рев одновременно. Оба Бодлера запрокинули головы и сделали вид, что тоже смеются, хотя смех у них был таким же поддельным, как их наряд. Клаусу и Солнышко показалось, что они не смеются, а их тошнит оттого, что они притворяются такими же злобными и жадными, как Граф Олаф и его команда. Бодлеры никогда не задумывались над тем, *как* ведут себя эти жуткие люди, когда им не надо притворяться хорошими, и теперь брат с сестрой пришли в ужас от всех кровожадных речей Эсме. Бодлеры слушали хохот Эсме и громадины, и в желудке у них все сильнее трепыхались бабочки. И какое же облегчение они почувствовали, когда Эсме наконец перестала смеяться и впустила их в Хирургическое отделение.

– Оставляю вас, девушки, на попечение наших компаньонов, – сказала она, и Бодлеры с ужасом поняли, кого Эсме имеет в виду. Она закрыла за собой дверь, и дети очутились лицом к лицу еще с двумя гнусными сообщниками Графа Олафа.

– А-а-а, привет, – сказал один зловещим голосом, тыча рукой чудного вида в их сторону. Один палец у него загибался под странным углом, а другие свисали, как вывешенные сушиться носки.

Клаус и Солнышко тут же догадались, что это крюкастый пособник Олафа и он надел резиновые перчатки, чтобы прикрыть свои фантастические и опасные конечности. Позади него стоял человек, чьи руки были им не столь знакомы, но Клаус и Солнышко с той же легкостью узнали его по безобразному парикку. Парик был мягкий, белый и курчавый и походил на клубок дохлых червей. Такой парик не забудешь, и дети действительно помнили его с той поры, как жили в Полтревилле. Поэтому они сразу догадались, что это лысый с длинным носом, который помогал Графу Олафу с самого начала бодлеровских несчастий. Крюкастый и лысый с длинным носом были самыми гадкими в олафовой команде, но, в отличие от большинства гадких людей, эти были еще и очень хитрыми, поэтому, пока Бодлеры ждали, хватит ли у тех хитрости разгадать их маскарад, бабочки в желудках обоих Бодлеров затрепыхались с беспрецедентной силой, что в данном случае означает «еще гораздо, гораздо сильнее».

– Я сразу разгадал ваш маскарад, – так встретил их крюкастый, кладя одну из своих поддельных рук Клаусу на плечо.

– Я тоже, – присоединился к нему лысый, – но, думаю, никто больше не разгадает. Не знаю уж, девушки, как вам это удалось, но в белых халатах вы кажетесь меньше ростом.

– И лица в масках кажутся не такими белыми, – добавил крюкастый. – Это лучшие маскарадные костюмы, какие изобретал Олаф... я хочу сказать, *Маттатиас*.

– Некогда болтать, – прервал их Клаус, надеясь, что голоса его они тоже не узнают. – Надо скорее добраться до палаты девятьсот двадцать два.

– Да, правильно, – согласился крюкастый. – Идите за нами.

Олафовские сообщники зашагали по коридору, а Клаус с Солнышком с облегчением переглянулись.

– Гуит, – пробормотала Солнышко, желая сказать «Они тоже нас не узнали».

– Да, – шепнул Клаус, – они принимают нас за двух женщин с напудренными лицами, переодетых ассистентами доктора Флакутоно, а не за двух детей, переодетых женщинами с напудренными лицами, которые переодеты ассистентами доктора Флакутоно.

– Прекратите шептаться про переодевания, – остановил их лысый. – Чего доброго, услышит кто-нибудь, и нам конец.

– Нам, а не Лоре В. Бледотей, – хихикнул крюкастый. – С тех самых пор, как ей удалось увернуться от брака с Маттатиасом, я прямо дожидаться не мог, когда она попадется мне в крючья.

– Попалась! – выпалила Солнышко, старательно изображая хихиканье.

– Вот именно, попалась, – поддержал ее лысый. – Я уже дал ей наркоз, так что она без сознания. Осталось только доставить ее в операционную, а там – отпиливайте ей голову.

– Никак не могу понять, почему надо убивать ее на глазах у всех врачей, – пробурчал крюкастый.

– Чтобы это выглядело как несчастный случай, идиот, – огрызнулся лысый.

– Я не идиот. – Крюкастый остановился, сверля свирепым взглядом сообщника. – Я страдаю только физическим недостатком.

– Физический недостаток еще не признак ума, – возразил лысый.

– А если на тебе уродский парик, – нашелся крюкастый, – это не значит, что ты имеешь право меня оскорблять.

– Хватит пререкаться! – оборвал их Клаус. – Чем скорее прооперируем Лору В. Бледотей, тем скорее разбогатеет.

– Да! – выпалила Солнышко.

Злодеи усталились на Бодлеров, а затем с виноватым видом кивнули друг другу.

– Девушки правы, – сказал крюкастый. – Не следует вести себя так непрофессионально. Правда, времечко последние месяцы выдалось напряженное.

– Да уж, – вздохнул лысый. – Ловим, ловим сирот проклятых, а они в последнюю минуту вдруг выскальзывают у нас из рук. Давай сосредоточимся на работе, а выяснять наши личные проблемы будем потом, когда все закончим. Ну вот мы и пришли.

Замаскированная четверка дошла до конца коридора и очутилась перед дверью с надписью «Палата № 922». Ниже скотчем был приклеен кусочек бумаги с именем Лора В. Бледотей. Лысый вынул из кармана халата ключ и с торжествующей ухмылкой отпер дверь.

– Вот она, – сказал он. – Наша маленькая спящая красавица.

Дверь отворилась с долгим жалобным скрипом, и дети вошли в небольшую квадратную комнату с плотными шторами на окнах, отчего в помещении царил полумрак. Но даже при этом тусклом свете дети разглядели свою сестру и чуть не ахнули от ее плачевного вида.

Когда лысый упомянул спящую красавицу, он имел в виду сказку, которую вы, вероятно, слышали тысячу раз. Как и все волшебные сказки, рассказ о Спящей красавице начинается словами «жила-была», и дальше повествуется о глупенькой юной принцессе, которая очень рассердила одну фею, после чего заснула и спала до тех пор, пока ее не разбудил поцелуем ее дружок и не уговорил выйти за него замуж. На этом сказка заканчивается словами «жили счастливо до конца своих дней». Сказка обычно сопровождается красивыми иллюстрациями: спящая принцесса всегда нарядна и элегантна, с аккуратно расчесанными волосами, в длинном шелковом платье, в котором она уютно спит себе год за годом. Но когда Клаус и Солнышко увидели Вайолет в палате № 922, все выглядело совсем иначе.

Старшая из Бодлеров лежала на каталке, то есть металлической койке на колесах. На таких в больницах возят больных. Эта каталка была такая же ржавая, как нож, который Клаус

держал в руке; простыни были рваные и в пятнах. Олафовские сообщники положили Вайолет на каталку в каком-то грязном белом халате и связали ей ноги. Волосами закрыли лицо, чтобы никто не узнал ее по фотографии в «Дейли пунктилио», руки свисали с каталки вниз, а одна почти касалась пола. Лицо было бледное, такое же бледное и лишенное выражения, как поверхность Луны, рот слегка приоткрыт, а на лице застыла бессмысленная гримаса, как будто ей снилось, что ее укололи булавкой. Казалось, что Вайолет упала на каталку с большой высоты, и, если бы не медленное и ровное дыхание, тихонько приподнимавшее грудь, можно было бы подумать, что она не перенесла этого падения. Клаус и Солнышко в ужасе молча смотрели на нее, стараясь не заплакать при виде беспомощной сестры.

– Хорошенькая, – проговорил крюкастый, – даром что без сознания.

– И не глупа, – подхватил лысый. – Хотя ум мало чем поможет, когда ей оттяпают ее умную головку.

– Давайте поскорее в операционную, – спохватился крюкастый, толкая каталку к дверям. – Маттатиас говорил, наркоз действует недолго, так что пора начинать краниоэктомию.

– А я не против, если бы она очнулась посреди операции, – хихикнул лысый. – Правда, тогда весь план провалится. Вы, девушки, беритесь за тот конец, где голова. Мне неохота глядеть на ее хмурую физиономию.

– Нож не забудьте, – напомнил крюкастый. – Доктор Флакутоно и я будем руководить, а операцию будете делать вы.

Дети молча кивнули – они боялись, что голос выдаст их, боялись, что пособники Олафа заметят их тревогу и что-то заподозрят. Не проронив ни звука, они заняли свои места у каталки, где неподвижно лежала их сестра. Младшим Бодлерам хотелось легонько потрясти ее за плечи, или шепнуть ей что-нибудь на ухо, или даже убрать ей волосы с глаз – сделать что угодно, лишь бы помочь сестре, лежавшей без сознания. Но дети знали: любой ласковый жест выдаст их, и поэтому они просто шли рядом с каталкой по коридорам Хирургического отделения, неся нож, а двое олафовских пособников шагали впереди. Клаус и Солнышко не спускали глаз с сестры в ожидании хоть какого-нибудь признака того, что действие наркоза заканчивается. Но лицо Вайолет оставалось неподвижным, застывшим, как лист бумаги, на котором я печатаю сейчас эту повесть.

Хотя младшие Бодлеры больше думали о ее изобретательских способностях и даре общения, чем о ее наружности, они не могли не заметить, что (как правильно сказал крюкастый) Вайолет действительно хорошенькая. И если бы аккуратно расчесать ей волосы, а не спутать их и одеть в элегантное и красивое платье, а не в грязный халат, она и в самом деле выглядела бы как иллюстрация к «Спящей красавице». Однако себя-то двое младших Бодлеров никоим образом не чувствовали персонажами волшебной сказки. Их несчастья начались не со слов «жили-были», а с ужасающего пожара, уничтожившего их дом, и сейчас, следуя за олафовскими приспешниками к металлической квадратной двери в конце коридора, Клаус и Солнышко опасались, что конец жизни у них тоже будет не такой, как в сказке. Дощечка на двери гласила «Операционный театр», и, когда крюкастый открыл дверь своей искривленной перчаткой, двое детей и представить не могли, чтобы история их закончилась словами «жили счастливо до конца своих дней».

Глава одиннадцатая

ОПЕРАЦИОННЫЕ театры далеко не так популярны, как драматические театры, музыкальные театры и кинотеатры, и легко понять – почему. Драматический театр – это большой темный зал, где актеры представляют пьесу, и, если вы находитесь в числе зрителей, вы можете наслаждаться диалогом и созерцанием театральных костюмов. Музыкальный театр – это большой темный зал, где музыканты исполняют симфонии, и, находясь в числе слушателей, вы можете наслаждаться музыкой и созерцать, как дирижер машет палочкой. Кинотеатр – это большой темный зал, где механик показывает вам фильм, и если вы находитесь в числе зрителей, то можете наслаждаться, поедая жареную кукурузу и сплетничая о кинозвездах. Но операционный театр – это большой темный зал, где врачи демонстрируют разные хирургические методики, и, если вы оказались в числе зрителей, самое лучшее будет немедленно уйти, так как на дисплее вы не увидите ничего, кроме боли, страданий и мук, отчего операционные театры по большей части закрывают или превращают в рестораны.

С сожалением, однако, должен сообщить, что операционный театр в нашей больнице в те времена, о которых идет речь, был все еще очень популярен. Войдя вслед за двумя перодетыми олафовскими помощниками через металлическую дверь, Клаус и Солнышко увидели большой темный зал, заполненный людьми. Ряды врачей в белых халатах, жаждущих наблюдать уникальную операцию. Медсестры, сбившиеся кучками, возбужденно обсуждали первую в мире краниоэктомию. Большая Группа Поющих Волонтеров, готовых, если понадобится, разразиться песней. И еще множество людей, которые, казалось, зашли в операционный зал случайно, любопытствуя, какое дают здесь представление. Четверо замаскированных вкатили каталку на небольшой помост с лампой, свисающей с потолка, и, как только лампа осветила безжизненное тело Вайолет, в зале раздались крики «ура» и аплодисменты. Рев толпы вызвал у Клауса и Солнышка еще большую тревогу, но два олафовских помощника перестали толкать каталку, подняли вверх руки и отвесили несколько поклонов.

– Большое спасибо! – закричал крюкастый. – Врачи, медсестры, волонтеры, репортеры из «Дейли пунктилио», почетные гости и рядовые зрители, добро пожаловать в операционный зал нашей больницы! Я – доктор О. Лукафонт, я буду вашим медицинским гидом на сегодняшней показательной операции.

– Да здравствует доктор Лукафонт! – крикнул один врач, толпа опять зааплодировала, а крюкастый поднял вверх руки в резиновых перчатках и снова поклонился.

– А я – доктор Флакутоно, – объявил лысый, видимо позавидовав крюкастому, снискавшему столько аплодисментов. – Я тот хирург, который изобрел краниоэктомию, и испытываю волнение оттого, что буду оперировать сегодня на глазах у всех вас, таких чудесных и привлекательных.

– Да здравствует доктор Флакутоно! – выкрикнула одна сиделка, и толпа опять захлопала. Кое-кто из репортеров даже свистнул, когда лысый низко поклонился, придерживая одной рукой свой кудрявый парик.

– Хирург прав, – добавил крюкастый. – Вы все чудесные и привлекательные. А ну, похлопайте и себе как следует!

– Да здравствуем мы все! – выкрикнул один из волонтеров, и публика опять захлопала. Бодлеры впились глазами в сестру, надеясь, что шум разбудит ее. Но Вайолет не шевельнулась.

– А вот эти две милые девушки – мои помощницы, их зовут доктор Токуна и медсестра Фло, – продолжал лысый. – Почему я не слышу аплодисментов, какими вы приветствовали нас?

Клаус и Солнышко так и ждали, что в толпе кто-то крикнет: «Никакие они не ассистенты! Они те двое детей, которых разыскивают за убийство!», но толпа опять захлопала, и детям поневоле пришлось нехотя помахать зрителям. Хотя они и почувствовали облегчение оттого, что их не узнали, бабочки трепыхались у них в желудках все сильнее по мере того, как присутствовавшие в операционном зале все с большим нетерпением ждали начала операции.

– А теперь, когда вы познакомились со всеми нашими потрясающими исполнителями, – продолжал крюкастый, – мы начнем показ. Доктор Флакутоно, вы готовы начать?

– Само собой, – отозвался лысый. – Леди и джентльмены, как вы, наверное, знаете, краниоэктомия – операция, состоящая в том, что пациенту удаляют голову. Ученые выяснили, что многие проблемы со здоровьем гнездятся в мозгу, поэтому лучшим выходом для больного будет удалить мозг. Однако операция эта столь же опасна, сколь необходима. Есть вероятность, что в процессе краниоэктомии Лора В. Бледотей может умереть, но, чтобы излечить болезнь, бывает приходится идти на риск ценой несчастного случая со смертельным исходом.

– Смерть пациента была бы, разумеется, ужасным событием, доктор Флакутоно, – подал реплику крюкастый.

– Еще бы, доктор О. Лукафонт, – подхватил лысый. – Вот почему я поручаю оперировать моим ассистенткам, а сам буду руководить операцией. Доктор Токуна и медсестра Фло, начинайте.

Толпа захлопала, а олафовские сообщники принялись кланяться и рассылать воздушные поцелуи во все концы зала. Дети в ужасе уставились друг на друга.

– Как нам быть? – пробормотал Клаус, поглядывая на толпу. – Мы окружены людьми, которые только и ждут, когда мы отпилим Вайолет голову.

Солнышко бросила взгляд на Вайолет, все еще лежавшую без сознания на каталке, а потом на брата, который держал длинный ржавый нож, полученный от Эсме.

– Тяни, – сказала она.

Слово «тяни» имеет два значения, но, как водится с большинством слов, имеющих двойной смысл, вы сможете разобраться, в каком из значений употреблено слово, рассмотрев ситуацию в целом. Слово «тяни» можно, например, употребить в ситуации, когда кто-то провалился в болото. Но Клаус-то сразу понял, что Солнышко, скорее, хотела сказать: «Надо как можно дольше оттягивать операцию», поэтому брат молча кивнул в ответ. Он сделал глубокий вдох и закрыл глаза, пытаясь придумать, как бы оттянуть краниоэктомию. И внезапно вспомнил кое о чем, что читал когда-то.

Если читаешь столько, сколько читал Клаус, то накапливается большое количество информации, в которой довольно долгое время вы не нуждаетесь. Вы, скажем, прочли книгу, из которой узнали все про исследование космоса, но до своих восьмидесяти лет космонавтом пока не стали. Вы можете прочесть книжку про то, как делать на коньках разные трюки на льду, а потом никто вас и не заставляет делать их в течение нескольких недель. Вы можете прочесть книгу на тему, как вести себя, чтобы ваш брак оказался удачным, но единственная женщина, которую вы любите всю жизнь, выходит замуж за другого, а потом в один ужасный день погибает. Клаус, хотя и читал книги по исследованию космоса, про трюки на льду и про технику удачного брака, пока что не нашел применения этой информации, но все-таки он узнал много такого, что сейчас ему очень даже могло пригодиться.

– Прежде чем я сделаю первое рассечение, – объявил Клаус, употребив это специальное слово, чтобы выглядеть профессионалом, – я думаю, нам с медсестрой Фло стоит немного поговорить об инструментарии, который мы используем.

Солнышко бросила лукавый взгляд на брата.

– Нож? – спросила она.

– Правильно, – ответил Клаус. – Вот нож...

– Мы все знаем, что это нож, доктор Токуна, – прервал его крюкастый, улыбаясь публике, в то время как лысый пригнулся к Клаусу и прошепел:

– Ты что делаешь? Отпиливай девчонке голову, и дело с концом.

– Настоящий врач никогда не станет делать уникальную операцию без разъяснений, – шепнул в ответ Клаус. – Придется прочесть небольшую лекцию, иначе они нам не поверят.

Олафовские приспешники с минуту глядели на Клауса и Солнышко, и те уже приготовились удирать вместе с каталкой и Вайолет, если их сейчас наконец разоблачат. Но после некоторого колебания двое замаскированных негодяев переглянулись и кивнули.

– Может, ты и права, – согласился крюкастый и обратился к аудитории. – Извините за задержку, братцы. Мы, как вы знаете, профессиональные врачи и должны все объяснять. Давайте дальше, доктор Токуна.

– Краниоэктомия будет выполнена с помощью ножа, – продолжал Клаус. – Нож – древнейший хирургический инструмент. – Клаус лихорадочно вспоминал раздел о ножах в «Полной истории хирургических инструментов», которую прочел в одиннадцать лет. – Самые первые ножи были найдены в египетских гробницах и храмах племен майя, где их использовали в обрядовых целях, и они были, как правило, каменные. Постепенно их стали делать из бронзы и железа, хотя в некоторых культурах применяли резцы убитых животных.

– Зубы, – пояснила Солнышко.

– Существуют разные типы ножей, – продолжал Клаус, – включая перочинные ножи, карманные ножи, ножи для ошкуривания деревьев. В данном случае для краниоэктомии требуется охотничий нож Боуи, названный так по имени полковника Джеймса Боуи, жившего в Техасе.

– Великолепное разъяснение, не правда ли, леди и джентльмены? – вмешался крюкастый.

– Еще бы, – отозвалась репортерша в сером костюме, которая, говоря в микрофон, не переставала жевать жвачку. – Так и вижу заголовок: *«Хирург и медсестра рассказывают историю ножей»*. Вот погодите, когда это прочтут читатели «Дейли пунктилио»!

Зрители одобрительно захлопали, операционный театр наполнился криками и аплодисментами, и по телу Вайолет пробежала дрожь. Рот у нее еще чуть-чуть приоткрылся, а одна из безвольно свисавших рук слабо дернулась. Движения были едва уловимыми, и только Клаус и Солнышко заметили их и с надеждой посмотрели друг на друга. Удастся ли им тянуть время, пока наркоз совсем не отойдет?

– Хватит болтовни, – шепнул лысый детям. – Конечно, морочить голову доверчивым людям – сплошное удовольствие, но пора приступать к операции, пока сирота не проснулась.

– Прежде чем сделать первое рассечение, – заговорил опять Клаус, по-прежнему обращаясь к аудитории, как будто и не слышал лысого, – я бы хотел сказать несколько слов о ржавчине. – Он на секунду умолк, вспоминая сведения, вычитанные в книге «Что происходит с влажным металлом», подаренной мамой. – Ржавчина – это красновато-коричневый налет, образующийся на некоторых металлах, когда они окисляются. Окисление, или оксидация, – научный термин, означающий химическую реакцию в случае контакта железа или стали с влагой. – Клаус поднял кверху ржавый нож, показывая публике. Краешком глаза он уловил легкое движение руки Вайолет. – Процесс оксидации неизбежен при краниоэктомии в связи с окислительными процессами в клеточных митохондриях и с косметической демистификацией. – Клаус старался употребить все сложные слова, какие только приходили ему в голову.

– Хлоп! – крикнула Солнышко, и аудитория опять принялась аплодировать, хотя на этот раз не так громко.

– Очень впечатляюще, – проговорил лысый, сердито сверкнув глазами на Клауса поверх маски. – Но, я думаю, этим милым людям весь процесс станет понятнее, когда голова будет уже отрезана.

– Разумеется, – отозвался Клаус. – Но сперва необходимо размягчить позвоночник, чтобы легче было производить отсечение. Медсестра Фло, поскребите шею Ва... то есть Лоре В. Бледотей.

– Есть. – Солнышко улыбнулась, так как поняла, к чему клонит Клаус. Приподнявшись на цыпочки, младшая из Бодлеров несколько раз куснула сестру за шею, рассчитывая, что это разбудит Вайолет. Когда зубы Солнышка начали скрести ей кожу, Вайолет дернулась и прикрыла рот, но и только.

– Ты что творишь? – в бешенстве прошипел крюкастый. – Немедленно делай операцию, а то Маттатиас взбесится.

– Ну разве не замечательно действует медсестра Фло? – обратился Клаус к публике, но в ответ послышалось лишь несколько хлопков и ни одного одобрительного возгласа. Собравшиеся в операционном зале явно устали от объяснений и жаждали видеть наконец саму операцию.

– Я считаю, шея достаточно размягчена, – вмешался лысый. Голос его звучал дружелюбно и профессионально, но глаза буравили детей с явным подозрением. – Приступаем к краниоэктомии.

Клаус кивнул и, сжав обеими руками нож, занес его над своей беспомощной сестрой. Он глядел на неподвижное тело Вайолет и прикидывал в уме, сможет ли он сделать легкий порез на шее, который бы разбудил Вайолет, но не нанес ей вреда. Он взглянул на ржавый клинок, прыгающий в его дрожащих руках, а потом на Солнышко, которая перестала покусывать шею Вайолет и теперь смотрела на брата широко раскрытыми глазами.

– Не могу, – прошептал Клаус и обратил взгляд вверх, к потолку. Там, высоко над ними, висел динамик, которого он не заметил раньше, и это зрелище навело его на кое-какую мысль. – Я не могу этого сделать, – объявил он вслух. Толпа ахнула.

Крюкастый сделал шаг к каталке и протянул к Клаусу мягкую искривленную перчатку. Средний Бодлер увидел острый кончик крюка, прорвавший резину и торчавший, словно морское существо, вылезающее из воды.

– Почему? – тихо спросил крюкастый.

Клаус проглотил комок в горле и сказал, надеясь, что голос его по-прежнему звучит как у настоящего профессионала, а не как у испуганного ребенка:

– Прежде чем я произведу первый надрез, необходимо сделать еще одно – то, что считается главным в нашей больнице.

– И что же это такое? – осведомился лысый. Его маска поехала вниз, потому что он нахмурился и бросил на детей зверский взгляд. Но у Солнышка маска поехала вверх, потому что она заулыбалась, поняв, о чем говорит Клаус.

– Документация! – выкрикнула Солнышко, и, к восторгу Бодлеров, публика снова зааплодировала.

– Ура! – завопил член Г. П. В. из задних рядов операционного театра под шум аплодисментов. – Да здравствует документация!

Двое олафовских приспешников в расстройстве мрачно воззрились друг на друга, в то время как Бодлеры поглядели друг на друга с облегчением и радостью.

– В самом деле, да здравствует документация! – воскликнул Клаус. – Мы не можем оперировать, пока не проверено досье пациентки.

– Прямо не пойму, как мы про это забыли! Об этом и на минуту нельзя забывать! – воскликнула одна из медсестер. – Документация – ведь это самое главное, чем мы занимаемся в нашей больнице!

– Так и вижу заголовок, – проговорила все та же репортерша. – *«В больнице едва не забыли про документацию!»* Погодите, вот прочтут газету «Дейли пунктилио» читатели!..

– Кто-нибудь, позовите Хэла, – предложил один из врачей. – Он заведует хранилищем документов, это его дело – заниматься документацией.

– Я сейчас приведу Хэла, – вызвалась та же сестра, выходя из зала. Толпа захлопала в знак поддержки.

– Незачем звать Хэла. – Крюкастый поднял руки в перчатках, пытаясь успокоить толпу. – О документах уже позаботились, уверяю вас.

– Но все документы, касающиеся хирургических операций, должны проверяться Хэлом, – не сдавался Клаус. – Таков принцип здешней больницы.

Лысый со злобой впился глазами в детей и страшным шепотом произнес:

– Вы что творите? Вы все погубите!

– Мне думается, доктор Токуна права, – проговорил еще один врач. – Таков наш принцип.

Толпа снова захлопала, и Клаус с Солнышком переглянулись. Они, естественно, понятия не имели, в чем заключается этот самый принцип в отношении хирургической документации, но уразумели, что толпа поверит буквально всему, если, по их мнению, говорит профессиональный медик.

– Хэл уже идет, – объявила, вернувшись, медсестра. – Кажется, в хранилище документов какие-то неполадки, но Хэл придет, как только все уладит раз и навсегда.

– Чтобы все уладить раз и навсегда, не требуется Хэла, – раздался голос в дальнем конце зала, и, обернувшись, Бодлеры увидели долговязую фигуру Эсме Скволор, которая нетвердой походкой шагала прямо к ним на своих высоченных каблуках, а за ней послушно следовали двое. Эти двое были одеты в белые халаты и хирургические маски – в точности как Бодлеры. Но выше масок Клаус и Солнышко разглядели белые лица и сразу поняли, что это две напудренные женщины из шайки Олафа. – Вот *настоящая* доктор Токуна, – Эсме указала на одну из женщин, – а это *настоящая* медсестра Фло. А те двое на помосте – самозванцы.

– Ничего подобного, – возмутился крюкастый.

– Не вы двое, – раздраженно оборвала его Эсме, сердито глядя поверх хирургической маски на двоих олафовских приспешников. – Я имею в виду двух других. Они одурачили всех. Врачей, медсестер, волонтеров, репортеров и даже меня. То есть дурачили до тех пор, пока я не нашла настоящих ассистентов доктора Флакутоно.

– Как профессиональный медик, – прервал ее Клаус, – я считаю, что эта женщина лишилась ума.

– Ничего я не лишилась ума, – злобно огрызнулась Эсме, – а вот вы, Бодлеры, скоро лишитесь головы.

– Бодлеры? – переспросила репортерша из «Дейли пунктилио». – Те самые, которые убили Графа Омара?

– Олафа, – поправил лысый.

– У меня все перепуталось, – жалобно простонал один из волонтеров. – Как-то очень много народу притворяется кем-то другим.

– Разрешите мне объяснить. – Эсме поднялась на возвышение. – Я такой же профессиональный медик, как доктор Флакутоно, доктор О. Лукафонт, доктор Токуна и медсестра Фло. Сами видите – на нас белые халаты и хирургические маски.

– Тоже! – крикнула Солнышко.

Маска на лице Эсме изогнулась вверх в злобной усмешке.

– Уже нет, – бросила она и быстрым движением сорвала маски с обоих Бодлеров. Маски полетели на пол, толпа охнула, и двое детей увидели, что все врачи, сестры, репортеры и просто люди смотрят на них с ужасом. Одни только Поющие Волонтеры, считавшие, что «отсутствие новостей – хорошая новость», не узнали детей.

– Это *они*, Бодлеры! – в изумлении воскликнула одна из медсестер. – Я читала про них в «Дейли пунктилио»!

– И я тоже! – вскричал кто-то из врачей.

– Всегда приятно слышать голос наших читателей, – скромно отозвалась репортерша.

– Но убийц должно быть *трое*, а не двое, – вмешался другой врач. – Где же старшая?

Крюкастый проворно заслонил собой каталку с Вайолет.

– Она уже в тюрьме, – быстро ответил он.

– Ничего подобного! – крикнул Клаус и отбросил волосы с лица Вайолет, чтобы все могли видеть, что она не Лора В. Бледотей. – Эти страшные люди выдали ее за больную, чтобы отрезать ей голову!

– Не говори чепухи, – оборвала его Эсме. – Это *ты* собирался отрезать ей голову. Ты же до сих пор держишь нож.

– Совершенно верно! – воскликнула репортерша. – Так и вижу заголовок *«Убийца пытается убить убийцу!»* Вот погодите, пусть только читатели «Дейли пунктилио» прочтут газету!

– Твиим! – взвизгнула Солнышко.

– Мы не убийцы! – в отчаянии повторил за сестрой Клаус.

– Если вы не убийцы, – репортерша выставила вперед микрофон, – тогда зачем вы в переодетом виде пробрались в больницу?

– Думаю, я могу вам это объяснить, – произнес еще один знакомый голос, и, повернувшись, все увидели входящего в зал Хэла. В одной руке он держал связку ключей, сделанных Бодлерами из скрепок и прицепленных к ленте, принадлежащей Вайолет, а другой гневно указывал на детей. – Эти трое Бодлеров, эти убийцы, притворились волонтерами, чтобы получить работу в хранилище документов.

– Да что вы? – ахнула медсестра, и вся публика затаила дыхание. – Значит, они не только убийцы, но еще и фальшивые волонтеры?

– Немудрено, что они не знали слов песни! – воскликнул один из поющих волонтеров.

– Пользуясь моим плохим зрением, – продолжал Хэл, показывая на свои очки, – они изготовили поддельные ключи, подменили ими настоящие и проникли внутрь хранилища, чтобы уничтожить документы, свидетельствующие об их преступлениях!

– Мы не собирались уничтожать досье, – возразил Клаус, – мы хотели очистить себя от подозрений. Я сожалею, что мы обманули вас, Хэл, и сожалею, что некоторые шкафы опрокинулись, но...

– Опрокинулись? – повторил Хэл. – Вы не просто опрокинули шкафы. – Он посмотрел на детей, тяжело вздохнул и потом повернулся лицом к аудитории. – Эти дети совершили поджог, – сказал он. – В эту минуту горит хранилище документов.

Глава двенадцатая

ЭТИМ вечером я сижу в одиночестве, и одинок я в результате жестокого поворота судьбы. Выражение это в данном случае подразумевает, что все в моей жизни пошло не так, как я ожидал. Когда-то я был всем доволен, у меня был уютный дом, успешная карьера, любимая женщина и надежнейшая пишущая машинка. Но все это у меня отняли, и от тех счастливых дней осталась лишь татуировка на левой щиколотке. Я сижу сейчас в тесной камерке, пишу печатными буквами большущим карандашом, и мне кажется, что вся моя жизнь – не что иное, как печальная пьеса, поставленная для чужого развлечения, и что драматург, сочинивший этот жестокий поворот судьбы, находится где-то высоко надо мной и покатывается со смеху, глядя на свое творение.

Испытывать такое ощущение неприятно, и вдвойне неприятно, если такой жестокий поворот судьбы свершается, когда вы и в самом деле стоите на подмостках и кто-то высоко над вами покатывается со смеху, как это и происходило с Бодлерами в операционном театре больницы. Дети едва успели выслушать обвинение Хэла в поджоге, как тут же услышали знакомый грубый смех, исходивший из динамика у них над головой. Дети уже слышали этот смех, когда Маттатиас первый раз поймал тройняшек Квегмайр и когда он запер Бодлеров в Камере люкс. Это был торжествующий смех того, кто придумал дьявольский план и преуспел в нем, и звучал смех всегда так, будто некто отпустил удачную шутку. Маттатиас смеялся по скрипучей системе внутренней связи, и потому голос его звучал точно через алюминиевую фольгу, и все же настолько громко, что способствовал выветриванию наркоза, и Вайолет что-то забормотала и пошевелила руками.

– Ух ты! – С этим возгласом Маттатиас оборвал смех, так как сообразил, что микрофон включен. – Говорит Маттатиас, зав человеческими ресурсами. Важное сообщение. В больнице бушует пожар. Он начался в хранилище документов, которое подожгли убийцы Бодлеры, и теперь пламя уже охватило Отделение больного горла, Отделение отдавленных пальцев ног и Отделение нечаянно проглоченных вещей. Сироты пока не пойманы, поэтому делайте все, чтобы найти их. После того как поджигатели и убийцы будут схвачены, вы имеете возможность попробовать спасти оставшихся больных, окруженных огнем. На этом все.

– Так и вижу заголовок, – проговорила репортерша, – *«Убийцы Бодлеры сжигают документацию»*. Вот погодите, когда это увидят читатели *«Дейли пунктилио»*!

– Пусть кто-нибудь сообщит Маттатиасу, что мы поймали детей! – ликующе прокричала одна из медсестер. – Вам, щенкам несчастным, не поздоровится! Вы одновременно и убийцы, и поджигатели, и поддельные врачи...

– Это неправда... – начал было Клаус, но, оглядевшись вокруг, понял, что вряд ли кто-нибудь ему поверит.

Он посмотрел на поддельную связку ключей в руках Хэла, благодаря которой он и сестры проникли в хранилище документов. Он посмотрел на белый халат, позволивший ему выдавать себя за врача. Он посмотрел на ржавое лезвие, которое только что держал над сестрой. Вспомнил, как он и его сестры в пору их пребывания у Дяди Монти вручили мистеру По несколько предметов в качестве доказательства олафовского коварного замысла, и в результате Олафа арестовали. И теперь Клаус очень опасался, что то же случится и с ними.

– Окружайте их! – скомандовал крюкастый, указывая на детей искривленной перчаткой. – Но будьте осторожны – книжный червяк все еще держит нож!

Олафовские приспешники начали медленно подступать к детям. Солнышко захныкала от страха, и Клаус поднял ее и посадил на каталку.

– Арестуйте Бодлеров! – закричал какой-то врач.

– А мы что делаем, болван! – раздраженно ответила Эсме. Но когда она повернулась лицом к Бодлерам, они увидели, что Эсме им подмигивает. – Мы схватим только одного из вас, – сказала она тихо, чтобы не услышала публика. Она наклонилась и обеими когтистыми руками взялась за каблуки-стилеты. – Эти каблуки не только позволяют мне выглядеть шикарной и женственной. – Она сняла туфли и направила их стилетами на детей. – Ими можно отлично перерезать детям горло. Двое отродий будут убиты при попытке бежать от правосудия, а малявка достанется нам – через нее мы добьемся наследства.

– Никогда вам не добраться до нашего наследства, – отозвался Клаус, – и до нашего горла тоже.

– Это мы еще посмотрим! – И Эсме сделала выпад туфель в сторону Клауса, точно шпагой. Тот быстро присел и услышал над головой пронзительное «вжжж!».

– Она хочет нас убить! – закричал Клаус в толпу. – Разве вы не видите? Они и есть настоящие убийцы!

– Никто вам не поверит, – зловещим шепотом ответила Эсме и сделала выпад правой туфель в сторону Солнышка, которая вовремя увернулась.

– Я вам не верю! – закричал Хэл. – Зрение у меня не то, что раньше, но я вижу на вас украденные докторские халаты.

Эсме махнула обеими туфлями одновременно, но они столкнулись в воздухе, не достав до детей.

– Чего не сдаетесь? – прошипела Эсме. – Мы вас поймали с поличным, как вы ловили Олафа все предыдущие разы.

– Теперь вы знаете, каково быть злодеем, – хихикнул лысый. – А ну, все, сдвигайтесь теснее! Маттатиас мне сказал – кто первый их схватит, тот будет выбирать, куда сегодня пойдем ужинать!

– Правда? – обрадовался крюкастый. – Ну так я сегодня не прочь отведать пиццы. – Он сделал попытку ударить Клауса крюком в резиновой перчатке, тот отшатнулся, стукнулся о каталку, отчего она чуть отъехала и оказалась вне досягаемости для негодая.

– А мне больше охота чего-нибудь китайского, – сказала одна из женщин с напудренным лицом. – Давайте пойдем в то местечко, где мы праздновали похищение Квегмайров.

– Нет, я хочу в кафе «Сальмонелла», – злобно заявила Эсме, расцепляя каблуки.

Клаус не знал, куда толкать каталку – олафовские приспешники наступали со всех сторон. Он по-прежнему держал ржавый нож сверху, но делал это для самообороны, он и не мыслил, чтобы пустить его в ход даже против таких зловредных личностей. Если бы в ловушке оказался

Граф Олаф, он бы, конечно, не колеблясь, обратил ржавый клинок против окружающих его людей. Но Клаус, несмотря на слова лысого, не чувствовал себя злодеем. Он чувствовал себя как человек, который мечтает спастись. И, во второй раз толкая каталку, он уже знал, как это сделать.

– Назад! – закричал он. – Нож очень острый!

– Всех нас не убьешь, – отозвался крюкастый. – Да и сомневаюсь, что у тебя хватит храбрости и одного-то убить.

– Чтобы убить, храбрости не требуется, – ответил Клаус. – Требуется полное отсутствие нравственного стержня.

Услышав слова «отсутствие нравственного стержня», что здесь означает «крайний эгоизм в сочетании с агрессивностью», олафовские сообщники в восторге захохотали.

– На этот раз твои ученые словечки тебя не спасут, грубиян! – выкрикнула Эсме.

– Это верно, – согласился Клаус. – Что меня сейчас спасет, так это кровать на колесиках для перевозки больных.

И без дальнейших слов Клаус швырнул ржавый нож на пол, отчего олафовские приспешники в испуге отскочили. Круг людей с полным отсутствием нравственного стержня немного раздался – всего на миг, но и этого Клаусу хватило. Он вспрыгнул на каталку, и от толчка она быстро покатила к металлической квадратной двери, в которую недавно вошли Бодлеры. Они промчались мимо олафовской шайки, и в публике поднялся крик.

– Держите их! – завопил крюкастый. – Они уйдут!

– От меня не уйдут! – пообещал Хэл и схватился за край каталки, когда она как раз достигла дверей.

Каталка приостановилась, и на миг Солнышко оказалась лицом к лицу со стариком. Бабочки затрепетали в желудке у младшей из Бодлеров, когда она увидела сердитый взгляд сквозь крошечные очки. В отличие от олафовских пособников, Хэл, конечно, не был злым человеком. Просто он очень любил хранилище документов и поэтому пытался задержать тех, кто, по его мнению, устроил поджог. Солнышко огорчило то, что он считает ее злостным преступником, когда на самом деле она просто несчастливый ребенок. Но она понимала, что объяснять Хэлу происходящее сейчас некогда. Некогда даже сказать хотя бы одно слово, и тем не менее именно это и сделала младшая из Бодлеров.

– Простите, – сказала Солнышко Хэлу и слабо ему улыбнулась. Затем она приоткрыла рот и совсем легонько куснула Хэла за руку, чтобы он отпустил каталку, но при этом не пострадал.

– Ой! – сказал Хэл и отпустил каталку. – Девочка укусила меня! – объявил он.

– Вам больно? – спросила одна из медсестер.

– Нет, – ответил Хэл, – но я выпустил каталку. Они уже в дверях.

Каталка выкатилась в коридор. Веки у Вайолет задрожали, и она открыла глаза. Клаус управлял каталкой. Солнышко изо всех сил старалась не свалиться с нее. Дети покатали по коридорам Хирургического отделения, объезжая попадавшихся навстречу удивленных врачей и других больничных служащих.

– Внимание! – раздался в динамиках голос Маттатиаса. – Говорит Маттатиас, зав человеческими ресурсами! Убийцы и поджигатели Бодлеры сбежали на каталке. Схватить их немедленно! Пожар распространяется по всей больнице! Возможна эвакуация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.